

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ
НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ
в первой трети XX века**

Сборник научных статей

Новосибирск
2015

УДК 316.334.23 (571)
ББК 63.3(253)612–3я43
П 504

Сборник статей утвержден к печати
Ученым советом Института истории СО РАН
Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке
РГНФ (исследовательский проект № 14-01-00313а)

Научный редактор
д-р ист. наук *В.И. Шишкин*
Ответственный секретарь
канд. ист. наук *Т.И. Морозова*

Рецензенты:
д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
канд. ист. наук *А.Г. Тепляков*
канд. ист. наук *Г.М. Запорожченко*

**Политическая адаптация населения Сибири в первой трети
XX века.** Сборник научных статей / Научный редактор
В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2015. 248 с.
ISBN 978-5-98901-175-9

Сборник включает статьи, посвященные различным аспектам адаптации населения Сибири к политическим реалиям первой трети XX века. Статьи посвящены теоретико-методологическим подходам и истории изучения политической адаптации, политической мимикрии в 1917 г. и феномену добровольчества периода гражданской войны в России, публицистике А.В. Адрианова и приветственным посланиям, адресованным В.И. Ульянову-Ленину и А.В. Колчаку, правовому регулированию антибольшевистских правительств и переименованиям населенных пунктов в советское время. Исследования выполнены с учетом достижений отечественной и зарубежной историографии и на основе широкого круга источников, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот.

Статьи сборника ориентированы на научных сотрудников, преподавателей вузов, аспирантов и студентов-историков.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.И. Шишкин.</i> Политическая адаптация населения Сибири в XX веке: теоретико-методологические подходы и историографические результаты изучения.....	3
<i>К.Л. Захарова.</i> Мимикрия как способ политической адаптации в постфевральском политическом пространстве Сибири (март – октябрь 1917 г.).....	45
<i>Д.Л. Шереметьева.</i> Изменить страну, не изменяя себе: публицистика А.В. Адрианова в условиях революции и гражданской войны.....	65
<i>Д.Г. Симонов.</i> Ижевцы и воткинцы: адаптация добровольцев в вооруженных силах адмирала А.В. Колчака.....	100
<i>В.В. Журавлев.</i> Политическая адаптация в гражданской войне: опыт сравнительного анализа приветственных посланий населения Сибири председателю Совнаркома В.И. Ульянову-Ленину и Верховному правителю адмиралу А.В. Колчаку.....	121
<i>В.М. Рынков.</i> Правовое регулирование как инструмент политической адаптации населения востока России к вызовам Гражданской войны.....	145
<i>А.И. Савин.</i> «Село Душегубово переименовать в село Солнцево» Советские переименования как способ коадаптации власти и общества (1918 – 1930-е годы).....	183
Summary	239
Список сокращений	244
Сведения об авторах.....	246

«СЕЛО ДУШЕГУБОВО ПЕРЕИМЕНОВАТЬ В СЕЛО СОЛНЦЕВО»¹
СОВЕТСКИЕ ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ
КАК СПОСОБ КОАДАПТАЦИИ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА
(1918 – 1930-Е ГОДЫ)

В публикации на основе архивных документов 1920–1930-х годов анализируется роль переименований административно-территориальных единиц в процессе политической коадаптации Советской власти и общества. Основное внимание уделяется государственной политике в сфере топонимики, а также механизмам переименований. Делается вывод о том, что главной чертой политики государства в области переименований являлся дуализм: большевистское руководство постоянно балансировало между стремлением ограничить переименования и желанием перекодировать топонимический ландшафт. По мере укрепления сталинского режима изменялась также логика переименований. Если 1920-е годы характеризовались как время изживания «старорежимных» и «религиозных» названий, то в 1930-е годы доминировали переименования в честь большевистских вождей. Вывод о том, что переименования стали важным инструментом политической коадаптации власти и общества в СССР, основывается главным образом на изучении реакций населения, которое неоднократно выступало инициатором переименований или активно поддерживало соответствующие инициативы власти.

Ключевые слова: СССР, власть, общество, политическая адаптация, переименования, топонимический ландшафт.

«Далеко слева вспыхивало и гасло угрюмое зарево:
должно быть, горела деревушка, одна из бесчисленных
однообразных Мертвожорок, Висельников, Ограбиловок,
недавно переименованных по августейшему указу
в Желанные, Благодатные и Ангельские».
А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом.

Революции неизменно стремятся изменить социокультурную кодировку действительности, когда привычное «старое», «дореволюционное» неожиданно становится «чужим», «враждебным» и «контрреволюционным». Советские переименования 1920–1930-х годов стали ярчайшим выражением совместной символической

¹ В названии приводится выдержка из постановления ВЦИК от 20 января 1930 г. Речь идет о переименовании с. Душегубово Каширского района Серпуховского округа Московской области.

деятельности коммунистической партии, советского государства и общества по перечеркиванию «проклятого прошлого», явлением одного порядка по конструированию качественно нового советского культурного пространства наряду с реформами календаря и правописания, мер и весов, введением непрерывной недели, латинизацией алфавитов народов СССР и т. п.

Историографию вопроса советских переименований, несмотря на всю его значимость и перспективность, нельзя назвать богатой и разнообразной. Очевидно, это объясняется тем, что отечественная историография лишь относительно недавно стала тяготеть к «новой культурной истории» с ее вниманием к массовому сознанию, символам и вербальным практикам. Поэтому нет ничего удивительного в том, что наибольших достижений на этом поприще добился С.А. Никитин, защитивший диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук и опубликовавший ряд статей, посвященных советской топонимике 1918–1930 годов¹. Однако, несмотря на междисциплинарный характер, присущий публикациям С.А. Никитина, они в основном посвящены исследованию лингвистических аспектов переименований. Тем не менее, С.А. Никитин сделал обоснованный вывод о том, что «главной причиной переименований в советское время было представление о политической функции топонимов [...] С точки зрения людей того времени, топонимы несли политическую нагрузку и должны были активно участвовать в формировании нового общественного сознания [...]. При помощи переименований производилось освоение пространства, когда свое имя давалось взамен чужого»².

С.А. Никитин также предложил адекватную классификацию советских переименований 1920-х годов по трем основаниям: 1) устранение топонимов разнообразного происхождения, связываемых с дореволюционной Россией, в том числе производных от церковных терминов; 2) переименование неблагозвучных названий; 3) топонимы, устраненные по административным соображениям, в первую очередь в целях размежевания созвучных названий³. К сожалению, практически вне поля зрения С.А. Никитина

¹ См., например: *Никитин С.А.* Лингвистические аспекты переименований географических объектов в России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2003; *Он же.* Становление советской топонимики в 1918–1930 годах // *Отечественные записки.* 2003. № 2. С. 503–504.

² *Никитин С.А.* Лингвистические аспекты переименований... С. 23.

³ Кроме этого, исследователь выделил четвертую группу переименований,

остались переименования 1930-х годов, имевшие ярко выраженную специфику.

Следует также упомянуть публикации ярославского историка Л.Н. Курцева, в первую очередь его специальную статью, посвященную механизмам формирования «нового пространственно-временного контекста повседневности», в которой советские переименования рассматривались в ряду других вербальных, визуальных и хронологических практик большевиков, что относится к числу несомненных достоинств статьи¹. Статья написана в жанре микроистории, с использованием преимущественно материалов по Ярославской губернии, в хронологических рамках революции и гражданской войны, что отнюдь не является недостатком, но ограничивает границы ее использования для освещения истории советских переименований довоенной эпохи в целом.

Переименования советской эпохи представляли собой сложный, многоплановый процесс. Перекодировка топонимического континуума осуществлялась на нескольких иерархических уровнях: от изменения названий учебных и культурно-просветительных учреждений, воинских частей, фабрик, заводов, шахт, рудников, колхозов, совхозов и вплоть до переименования административно-территориальных единиц (деревень, сел, городов, железнодорожных станций, уездов, губерний, районов, областей, краев, республик и т. п.), а также географических объектов. Настоящая статья посвящена преимущественно только одному — верхнему — уровню переименований, поскольку изменение названий административно-территориальных единиц и географических объектов контролировалось или непосредственно направлялось центральной властью, что дает возможность, во-первых, изучить государственную политику в данном вопросе в ее генезисе, оставив «за бортом» бесчисленные переименования «низшего уровня»²; во-вторых, исследовать механизмы процесса переименований и выявить его закономерно-

которые предпринимались без явной мотивации или такая мотивация не была им выявлена.

¹ См.: Курцев Л.Н. Новый пространственно-временной контекст повседневности в годы революции и Гражданской войны в городах Советской России // *Формы и способы презентации времени в истории. Сб. науч. статей под редакцией С.Г. Мереминского М., 2009. С. 333–360.*

² Например, только именем Кирова в России до сих пор называется около 3,5 тысяч улиц. (См.: Поздняков А. Третий после Ленина и Гагарина // *Диалог*. 2014. № 12. С. 36).

сти; в-третьих, проанализировать как инициативы населения, так и его реакцию на смену старых названий на новые.

В результате автор стремился получить ответ на вопрос о том, какую роль советские переименования сыграли в процессе взаимной адаптации коммунистической власти и населения. В качестве рабочей гипотезы он, с одной стороны, руководствовался предположением о ведущей роли власти в этом процессе, которая постепенно росла, достигнув своего апогея в годы Большого террора, когда сталинский режим осуществил массовые, зачастую неоднократные переименования тысяч учреждений и десятков, возможно сотен административно-территориальных единиц, названных именами «врагов народа». С другой стороны, очевидно, что народ, вольно или невольно, отнюдь не всегда пассивно безмолвствовал все эти годы, особенно та его часть, которая по тем или иным основаниям идентифицировала себя с коммунистическим режимом.

*Переименования 1918–1923 гг.
в свете генезиса государственной политики*

Центральная власть в лице Народного комиссариата внутренних дел РСФСР достаточно быстро определила свое отношение к местным инициативам по переименованиям административно-территориальных единиц. Право изменять названия населенных пунктов и территорий первоначально было предоставлено местным советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов декретом СНК РСФСР от 27 января 1918 г. «О порядке изменения границ губерний, уездов и волостей»¹ и циркуляров отдела местного хозяйства НКВД РСФСР № 5 и № 7 за 1918 г., разъясняющих и дополняющих настоящий декрет². НКВД лишь ставился в известность для принятия информации к сведению и опубликованию ее в печати. Несмотря на такой порядок, НКВД практически сразу же стал настоятельно рекомендовать местам, учитывая тяжелые условия гражданской войны, относиться «к проведению всякого рода переименований [...] с осторожностью и прибегать к ним лишь в случае действительной необходимости». Так, перемена названия была

¹ Декреты Советской власти. Том 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 426.

² В самом тексте декрета от 27 января 1918 г. не определялся порядок переименований, но подчеркивался приоритет местных советов при решении всех вопросов, связанных с изменением старых и возникновением новых административно-территориальных единиц.

признана желательной в случае наличия в уезде или волости двух селений с одинаковыми названиями, а также могли быть заменены «прежние названия вроде Царевококшайск¹, Княжий Двор и др. как не отвечающие идеям нынешнего социалистического строя»². В своих директивах комиссариат подчеркивал, что «всякое переименование вызывает ряд иногда крупных расходов, влечет за собой неизбежную путаницу в корреспонденции и вынуждает ряд центральных учреждений заводить излишнюю переписку в связи с оповещением о новом наименовании того или иного пункта»³. Такая позиция центра, даже носившая рекомендательный характер, не могла не затормозить процесс переименования населенных пунктов — в отличие от массового переименования улиц, площадей, фабрик, заводов, учебных заведений и т. п., имевших место в 1918 году⁴. Так, отдел управления Вятского губисполкома, после того, как НКВД сообщил ему свою точку зрения, отказал 24 марта 1919 г. в ходатайстве волостной ячейки РКП(б) о переименовании Гвоздевской волости Котельничского уезда в Халтуринскую, в честь «крестьянина вятчанина», который «посредством взрыва в зимнем дворце произвел покушение в восьмидесятых годах на императора Александра II»⁵.

Летом 1919 г. НКВД получил право непосредственно принимать решение о переименованиях: 15 июля был принят декрет СНК РСФСР «О порядке разрешения вопросов об изменении границ губерний, уездов и волостей», в соответствии с которым все изменения административно-территориального деления происходили теперь только с ведома НКВД⁶. Для разрешения соответ-

¹ Царевококшайск был переименован в Краснококшайск за две недели до написания цитируемого документа — 17 февраля 1919 г.

² ГА РФ. Ф. 5667. Оп. 1. Д. 59. Л. 4. Цитируется письмо экономического подотдела отдела местного хозяйства НКВД Вятскому губисполкому по поводу переименований от 3 марта 1919 г. В свою очередь губисполком разослал письмо на места, предложив руководствоваться им «для разрешения вопросов о переименованиях в губернии».

³ Там же.

⁴ Истодик Л.Н. Курцев даже полагает, что большинство названий объектов такого рода «были сменены именно в 1918 г.». См.: *Курцев Л.Н.* Новый пространственно-временной контекст повседневности. С. 341.

⁵ ГА РФ. Ф. 5667. Оп. 1. Д. 59. Л. 3. Официальное переименование волости состоялось только в 1922 г., после неоднократных ссылок местных властей на то, что она уже переименована в «Халтуринскую» де-факто.

⁶ Декреты Советской власти. Том III. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М., 1964. С. 42.

ствующих вопросов в декабре 1919 г. была также создана Административная комиссия при Президиуме ВЦИК, достаточно скептически и осторожно подходившая к проблеме переименований. Стандартной мотивировкой отказа стала ссылка центра на «значительные расходы», сопряженные с переименованиями, а также затруднения, которые «могут возникнуть в почтово-телеграфных сношениях». Именно так был сформулирован отказ НКВД Смоленскому губисполкому, принявшему 23 августа 1920 г. решение переименовать г. Духовщина Смоленской губернии в Смирнов, поскольку «название города не соответствует революционному времени и революционной жизни города, [...] происходит от названия Духовской церкви»¹. Город предлагалось переименовать в честь члена губисполкома и губкома РКП(б) В.В. Смирнова, погибшего в Духовщине в октябре 1919 г. от рук бандитов. Чтобы подсластить отказ, заместитель наркома внутренних дел М.Ф. Владимирский, «вполне соглашаясь с желанием почтить память погибшего товарища», 12 ноября 1920 г. рекомендовал губисполкому присвоить имя Смирнова «уже существующим местным культурно-просветительным учреждениям или созданием новых памяти погибшего»².

Дополнительные препоны на пути переименований были поставлены сначала циркуляром Административной комиссии при Президиуме ВЦИК, еще раз напоминавшей в январе 1921 г. о запрещении переименования населенных пунктов без санкции НКВД, а также постановлением СНК РСФСР от 18 июля 1921 г., которое временно запрещало переименование ж.д. станций. Таким образом, свои правила постепенно стал диктовать режим жесткой экономии и реалии новой экономической политики. Заявления мест о переименованиях со ссылкой на несоответствие старого названия «новому духу времени» находили все меньше отклика у центра. В результате в 1922 г. неудачу потерпела попытка сибирских властей переименовать г. Новониколаевск в Краснообск. Соответствующее постановление было принято Новониколаевским губисполкомом 14 октября 1922 г. со ссылкой на решение III губернского съезда Советов и поддержано Сибревкомом. В частности в отношении во ВЦИК говорилось: Президиум губисполкома «хотатайствует о переименовании города Новониколаевского как но-

¹ ГА РФ. Ф. 5667. Оп. 1. Д. 203. Л. 1–2.

² Там же. Л. 4.

сящего название в честь царя Николая II в город Краснообск и Новониколаевской губернии в губернии Краснообскую с одновременным переименованием ж.д. станции и уезда [...] Одновременно Президиум губисполкома [...] выражает желание приурочить переименование ко дню пролетарского празднования 5-й годовщины Октябрьской революции, что губерния ожидает как подарок ВЦИК ко дню указанного торжества»¹. Но подарка на этот раз не последовало, 2 ноября 1922 г. Президиум ВЦИК отклонил ходатайство без каких-либо объяснений.

Отказав в большом, ВЦИК счел возможным пойти навстречу сибирским властям в малом. 27 ноября 1922 г. Сибревком поддержал решение общего собрания граждан пос. Свято-Александровского Убинской волости Каргатского уезда Новониколаевской губернии от 26 сентября 1922 г. о переименовании в пос. Кужурлинский. Мотивация Сибревкома звучала традиционно: «считая прежнее наименование села несоответствующим духу времени». Поначалу ходатайство было встречено холодно, оно пролежало «под сукном» почти год, прежде чем 16 октября 1923 г. консультант ВЦИК дал свое отрицательное заключение, указав, что «весь материал по делу — сухие выписки из протокольных постановлений. Единственным моментом говорящим в пользу настоящего дела, является религиозный характер названия поселка. Если, однако, учесть количество подобных названий в РСФСР и исключительно местное значение настоящего случая — то и это соображение отпадает»². Консультант предлагал ВЦИК отказать в ходатайстве, но неожиданно заместитель председателя Административной комиссии и заместитель наркома внутренних дел РСФСР И.И. Хлопьянкин принял решение все же «пойти навстречу пожеланиям населения». 24 октября 1923 г. комиссия сочла возможным, «учитывая религиозный характер названия», переименовать пос. Свято-Александровский в Александровский. Соответствующее постановление Президиума ВЦИК последовало 19 ноября 1923 года³.

¹ ГА РФ. Ф. 5667. Оп. 3. Д. 162. Л. 1.

² ГА РФ. Ф. 5667. Оп. 3. Д. 163. Л. 9–10.

³ ГА РФ. Ф. 5667. Оп. 3. Д. 163. Л. 11. Зато было отказано в переименовании Талицкой волости Черепановского уезда в Громовскую в честь одного из руководителя алтайских партизан И.Е. Громова (Амосова). Соответствующее постановление Президиума Новониколаевского губисполкома было принято 19 мая 1923 г. в поддержку ходатайства Черепановского уисполкома. Пре-

Эта история с «половинчатым» переименованием маленького сибирского поселка весьма показательна для характеристики отношения центра к проблеме переименований в первые годы нэпа. С одной стороны власть понимала, что она не вправе совсем прекратить процесс переименований, поскольку это будет идеологически неправильным. С другой стороны, бесконечные инициативы мест отнимали время и стоили денег¹, что было невозможно не учитывать в условиях нэпа, а также приводили к путанице в работе целого ряда ведомств, в том числе военного. Кроме того, Административная комиссия в лице А.Г. Белобородова резонно указывала на повторяемость одних и тех же названий во всех уездах и губерниях, а также на то, что «при наплыве массы новых названий» терялась «авторитетность уже произведенных переименований, так как обычная психология обывателя все более и более обесценивает их, приучаясь к двойному языку: наименований казенных и существующих обычных»².

В результате 5 февраля 1923 г. Административная комиссия обратилась ко всем наркоматам РСФСР с просьбой выразить свое отношение к переименованиям. В преамбуле обращения комиссия называла три главных, с ее точки зрения, мотива переименований населенных пунктов: стремление сменить названия, «данные помещиками или по именам помещиков», «присвоение многим селениям и волостям наименований приходов (Христорождественский, Богородицкий, Троицкий и т. п.), не отвечающих смыслу современной эпохи», а также «стремление почтить в названиях населенных пунктов выдающихся вождей революции или же увековечить память местных работников, погибших за дело революции»³. Кроме того, в обращении, в качестве пищи для раздумья, были перечислены наиболее характерные ходатайства, находившиеся в то время «в работе» комиссии — о переименованиях ж.д. станции Витгенштейнская Московско-Белорусско-Балтийской ж.д. в станцию Ленинская, с. Колпашево Нарымского края Томской

зидиум ВЦИК отклонил ходатайство 26 февраля 1924 г., поскольку Административная комиссия «не усмотрела достаточного основания к переименованию». См.: ГА РФ. Ф. 5667. Оп. 5. Д. 393. Оп. 5. Л. 9.

¹ Речь шла в первую очередь о «непроизводительных расходах» по переделке штампов, почтовых штемпелей, вывесок, изменению названий ж.д. станций на билетах, переизданию карт и т.д.

² ГА РФ. Ф. 5667. Оп. 4. Д. 14. Л. 1.

³ ГА РФ. Ф. 5667. Оп. 4. Д. 21. Л. 1–4.

губернии — в пос. Свердловск и г. Керенск Пензенской губернии — в г. Бунтарский¹.

К середине февраля 1923 г. все республиканские наркоматы выразили свое отношение к проблеме переименований. Наиболее бескомпромиссную позицию занял Наркомнац, который посчитал «политически неудобным издание запретительного постановления о переименовании отдельных населенных пунктов»². Аналогичное мнение высказал Наркомюст в лице А.Г. Гойхбарга: ссылаясь на прецеденты, комиссариат полагал, «что и впредь нужно по возможности удовлетворять ходатайства о переименованиях и содействовать стремлению замены названий, противоречащих смыслу современной эпохи, названиями, отвечающими революционному настроению масс»³. Народный комиссар просвещения И.И. Ходоровский также заявлял об отсутствии возражений, но с одной существенной оговоркой: «Если уже существуют города или местности с названием Свердловск или Ленинск и проч., то присваивать такого рода наименования другим городам и пунктам не следует»⁴. Большинство же комиссариатов, как Наркомпрод и Наркомат соцобеспечения, а также РВСР, рекомендовали допускать переименования только под строгим контролем и «лишь в самых исключительных случаях» во избежание потенциальных затруднений почтово-телеграфных сношений и засылки грузов. Многие, как Наркомат внешней торговли, также высказывали пожелание, согласно которому оба названия — старое и новое — должны были иметь равные права в течение года, в том числе для того, чтобы население привыкло к нововведениям⁵.

¹ Все эти ходатайства были отклонены Президиумом ВЦИК. Соответствующее постановление в отказе переименования Керенского уезда в Бунтарский и города Керенск в Бунтарск было принято 14 февраля 1923 г. В результате город (с 1926 г. — село) продолжал именоваться созвучно фамилии министра-председателя Временного правительства вплоть до 1940 г., пока не был переименован в г. Вадинск. При этом определенная связь между названием города и А.Ф. Керенским была. В своих мемуарах Керенский писал: «Наша фамилия, как и название соответствующего города, происходит от реки Керенки». (См.: *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 4).

² ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 4. Д. 21. Л. 5.

³ Там же. Л. 16.

⁴ Там же. Л. 10.

⁵ Одновременное использование старых и новых имен в случае переименования являлось общей бытовой практикой. Например, в письме Г.К. Оржо-

Резко против переименований высказались ЦСУ, Наркомзем и Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции, заявлявшие, что они хотя и разделяют мотивы, побуждающие к переименованиям, тем не менее «от таких все же надлежит воздержаться». Особую позицию занял НКПС, который ничего не имел против переименований крупных населенных пунктов и соответствующих ж.д. станций, но категорически возражал против переименования мелких станций. Сам инициатор опроса, НКВД РСФСР, полагал в марте 1923 г., что «стихийное стремление населения избавиться от всего, напоминающего ему прежний строй, хотя бы даже путем переименований населяемых им пунктов» только усиливается, несмотря на принятые ограничительные меры, и с этим необходимо срочно что-то делать¹. Таким образом, общее мнение правительственных структур РСФСР скорее склонялось к ужесточению практики переименований.

Соответствующее решение правительства РСФСР не заставило себя долго ждать. 24 июля 1923 г. НКВД объявил всем губисполкомам и ЦИК АССР новый порядок переименований в соответствии с циркуляром ВЦИК и СНК РСФСР от 18 июля 1923 г. Ввиду «затруднений в работе правительственных органов» впредь запрещалось переименование железнодорожных станций и населенных пунктов, имеющих почтово-телеграфные учреждения. Переименование остальных населенных пунктов допускалось лишь в исключительных случаях, с санкции ВЦИК, главным образом по мотиву «несоответствия названия государственному устройству РСФСР». При выборе новых названий требовалось избегать повторений, запрещалось иметь в одной волости два населенных пункта одинакового названия, а в одном уезде — соответственно две волости².

Следующий шаг в развитие этой политики власти РСФСР предприняли уже 23 ноября 1923 г. В этот день Президиум ВЦИК отклонил ходатайство о переименовании ж.д. станции Витгенштейнская Московско-Белорусско-Балтийской ж.д. в станцию Ленинская и одновременно поручил «т. Курскому и Белобородову разработать вопрос о целесообразности дальнейших пере-

никидзе к С.М. Кирову от 22 июня 1926 г. последний шуточно характеризуется как «правитель града Петра и Ленина». (См.: Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927. М., 1996. С. 331).

¹ ГА РФ. Ф. 5667. Оп. 4. Д. 21. Л. 25.

² ГА РФ. Ф. 5667. Оп. 4. Д. 14. Л. 9.

именований ж.д. станций, городов, деревень и т.п. в союзном масштабе и внести на обсуждение Президиума ЦИК СССР»¹. Соответствующее постановление ЦИК СССР было принято 28 декабря 1923 г. В своих основных чертах оно повторяло циркуляр ВЦИК и СНК РСФСР от 18 июля 1923 г., с той лишь разницей, что переименование населенных пунктов с почтово-телеграфными учреждениями и ж.д. станциями воспрещалось теперь на территории всего СССР и допускалось впредь только с особого разрешений Президиума ЦИК СССР.

Руководствуясь этими решениями, ВЦИК во второй половине 1923 г. отклонял в подавляющем большинстве случаев ходатайства мест. Так, в декабре 1923 г. было отказано в переименовании разъезда Звягинцево Юго-Восточной железной дороги в разъезд им Воровского², а также станции Ерофей Павлович Читинской железной дороги — в станцию Лазо. При этом ходатаем выступал непосредственно НКПС РСФСР, поддержавший решения собраний «мастеровых и рабочих» этих станций³.

Как правило, смягчить ригоризм Административной комиссии при Президиуме ВЦИК в это время могло только уж совсем неблагозвучное название населенного пункта. Так, в ноябре – декабре 1923 г. ВЦИК рассматривал ходатайство членов ячейки РКСМ, просивших переименовать дер. Мошонки Филипповской волости Демянского уезда Новгородской губернии в дер. Красная Горка. Консультант ВЦИК, отметив, что название «полуприличное», телеграфа в деревне нет, а значит переименование не будет противоречить циркуляру ВЦИК от 18 июля 1923 г., рекомендовал поддержать ходатайство комсомольцев. Соответствующее постановление ВЦИК было принято 14 января 1924 года⁴.

Но даже крайне неблагозвучное имя населенного пункта далеко не всегда являлось гарантией его переименования. Так случилось с деревней Дрищево Боровичского уезда Новгородской губернии, жители которой единогласно постановили 16 марта 1923 г. «из уважения к вождю мирового пролетариата тов. Ленину ходатайствовать о переименовании деревни Дрищево на „Ленин-

¹ ГА РФ. Ф. 5667. Оп. 3. Д. 375. Л. 3.

² Ходатайство о переименовании было возбуждено после убийства В.В. Воровского в мае 1923 г. в Лозанне в русле уже вполне сформировавшейся традиции чтить таким образом память «революционных мучеников».

³ ГА РФ. Ф. 5667. Оп. 4. Д. 23. Л. 1.

⁴ ГА РФ. Ф. 5667. Оп. 4. Д. 168. Л. 1–2.

ка“». Но Административная комиссия ВЦИК сочла 19 октября 1923 г. «приведенные мотивы [...] недостаточными», кроме того, отмечала комиссия, «вследствие одноименности населенных пунктов в честь тов. Ленина создается путаница в смысле справочного характера для центральных органов республики»¹.

Казалось бы, к концу 1923 г. был выработан определенный модус вивенди, который позволил ввести процесс советских переименований в относительно спокойное русло. Но в январе 1924 г. случилось событие, грозившее взорвать ситуацию — умер В.И. Ленин.

«Ленинские» переименования 1924 г.:

«Присвоение частям, учреждениям и заведениям имени Ленина как систему — отвергнуть»

Один из участников похорон В.И. Ленина, ответственный работник Чернораменских разработок гидроторфа Кудинов, в своем выступлении перед рабочим коллективом предприятия 31 января 1924 г. описал по свежим следам, как проходили похороны, в том числе «обрисовал, в каких колоссальных размерах выразилась скорбь трудящихся нашей республики в потере своего вождя». По утверждению Кудинова, дежурным врачом было зарегистрировано 3.196 истерических обмороков, всего участие в похоронах принимало около 1,5 млн человек².

В лихорадочной деятельности, развернувшейся на всей территории СССР в начале 1924 г. и направленной на увековечивание памяти усопшего вождя, в том числе за счет переименований в его честь, также было нечто истерическое. Партийные и советские организации, коллективы рабочих и служащих, общие собрания жителей, ячейки партии и комсомола повсюду требовали переименовать в честь Ленина школы и университеты, улицы и проспекты, села и города, заводы и фабрики, корабли и воинские части, острова и горные вершины и т.п. ВЦИК и ЦИК СССР оказались буквально завалены тысячами соответствующих ходатайств. Было ясно, что санкционирование всех этих переименований буквально превратит топонимический ландшафт страны в одну сплошную «лениниану», что вызовет неизбежный хаос в деятельности органов власти и управления. Кроме потенциальных

¹ ГА РФ. Ф. 5667. Оп. 4. Д. 166. Л. 1–9.

² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 10. Л. 139.

значительных расходов, связанных с таким количеством переименованиями, руководству СССР очевидно понимало, что массовые переименования неизбежно приведут к девальвации ленинского имени.

В результате 5 февраля 1924 г. было принято постановление ЦИК СССР «О переименовании городов, улиц, учреждений и т.д. в связи со смертью В.И. Ульянова-Ленина», в соответствии с которым «в целях согласования поступающих с мест ходатайств о присвоении имени В.И. Ульянова-Ленина ряду городов, сооружений и учреждений», Президиум ЦИК постановил: «Воспретить переименование именем В.И. Ульянова-Ленина городов, улиц, сооружений, учреждений и т. п. без предварительного соглашения на то Президиума ЦИК Союза СССР»¹. Итоги «ленинских» переименований оказались более чем скромными — согласно постановлению II съезда Советов СССР от 26 января 1924 г. Петроград был переименован в Ленинград², постановлением Президиума ЦИК СССР от 9 мая 1924 г. Симбирск был переименован в Ульяновск³, а также город и станция Александерполь Закавказской ж.д. — в город и ж.д. станцию Ленинанкан. Этим же постановлением Петроградское шоссе было переименовано в Ленинградское, а также все станции Петроградского железнодорожного узла, носившие наименование «Петроград» — в Ленинградские. Переименования Петрограда и Симбирска были логичными и легко объяснимыми, в отличие от армянского города, выигравшего во всесоюзной лотерее. Кроме того, имя Ленина было присвоено в феврале 1925 г., после долгой бюрократической волокиты, Румянцевской Публичной библиотеке, при этом директору библиотеки В.И. Невскому и народному комиссару просвещения РСФСР В.Н. Яковлевой пришлось неодно-

¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 11. Л. 42. В дополнение и разъяснение этого решений 29 февраля 1924 г. было принято еще одно постановление Президиума ЦИК СССР.

² Решение о переименовании Петрограда в Ленинград было принято Политбюро ЦК РКП(б) 24 января 1924 г. по докладу Г.Е. Зиновьева. (См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 412. Л. 1).

³ Первоначально Симбирский губисполком ходатайствовал о переименовании в гор. Ильич. Постановление ЦИК СССР от 29 февраля 1924 г. гласило: «Принципиально согласиться, поручить секретарю ЦИК СССР (т. е. Енукидзе) согласовать с Симбирским губисполкомом новое название гор. Симбирска». (См.: ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 10. Л. 200).

кратно «мотивированно» обосновывать целесообразность такого переименования¹.

Бенно Эннкер объясняет вето, фактически наложенное на переименования в честь Ленина, ревностью петроградских властей во главе с Г.Е. Зиновьевым, которые считали, что расширение практики присвоения имени Ленина подорвет приоритеты «колыбели пролетарской революции». 7 февраля 1924 г. Петроградский совет обратился в ЦК РКП(б) и ВЦИК с просьбой «запретить самовольное присвоение имени Ленина городам и организациям и дать право на переименование только тем, кто имеет особые революционные заслуги»². Но к моменту появления этого обращения уже два дня как было принято вышеупомянутое постановление Президиума ЦИК СССР, поэтому «ревность» питерцев была важным, но все же побочным фактором ригоризма центральных властей.

Объемы статьи не позволяют даже перечислить все ходатайства мест о переименовании в честь Ленина, тем не менее, имеет смысл охарактеризовать наиболее обоснованные из них как с точки зрения характеристики позиции, занятой центральной властью, так и мотивов, выдвигавшихся инициаторами переименования. Среди ходатайств, отклоненных Президиумом ЦИК СССР, было по меньшей мере несколько, которые с полным правом могли претендовать на удовлетворение. Одним из них было ходатайство Уральского обкома РКП(б) от 9 марта 1924 г. о переименовании Урало-Сибирского коммунистического университета в университет им. Ленина. В обращении в ЦИК СССР обком обосновывал свою просьбу тем, что коммунистические университеты Москвы и Ленинграда «уже имеют прочно привившиеся наименования — Свердловского и Зиновьевского», поэтому логично будет назвать третий коммунистический университет Ленинским. Университет начал свою работу в январе 1924 г., за несколько дней до смерти Ленина, «поэтому для уральских парторганизаций, работников и студентов представляется психологически невозможным назвать свой комуниверситет каким-либо

¹ Подробнее о переименовании библиотеки см.: ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 702. Л. 2-47.

² Цит. по: Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М., 2001. С. 106-107.

другим именем, кроме имени Ленина» — говорилось в ходатайстве губкома¹.

Не менее обоснованными выглядели ходатайства Сибревкома от 19 марта 1924 г. за подписью М.М. Лашевича о переименовании с. Шушенское Минусинского уезда Енисейской губернии в с. Ленинское и Ермаковского района — в Ленинский «как места ссылки т. Ленина» и Самарского губисполкома за подписью Ф.И. Голощекина от 28 марта 1924 г. о переименовании с. Алакаевка Самарского уезда и губернии в с. Ульяновку, поскольку в этом селе «проживал в молодости некоторое время тов. Ленин»². Из крупных городов на имя Ленина, помимо Петрограда и Симбирска, претендовал только Новониколаевск: 1 февраля 1924 г. было принято постановление Сибревкома за подписью А.П. Брыкова о переименовании Новониколаевска в Ульянов, ввиду того, что старое наименование «не соответствует эпохе Советов»³. Однако вторая попытка сибирских властей сменить «царское» имя города также оказалась неудачной, 29 февраля 1924 г. ЦИК СССР отклонил ходатайство Сибревкома⁴. Не были поддержаны также инициативы РВС СССР, хотя военные и заняли здесь взвешенную позицию. 16 февраля 1924 г. Э.М. Склянский, информируя командование частей о деятельности Комиссии РВС по вопросу увековечивания памяти Ленина в Красной Армии и флоте, сообщил о том, что комиссия переслала ЦИК перечень мероприятий⁵,

¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 10. Л. 43.

² Там же. Л. 105, 108.

³ Соответствующее решение Сиббюро ЦК РКП(б) было принято 31 января 1924 г.: «Сибревкому поручается ходатайствовать перед центром о переименовании Ново-Николаевска в Ульянов, а губернии — в Ульяновскую». (См.: ГАНО. Ф.П-10. Оп. 1. Д. 805. Л. 127).

⁴ ГА РФ. Ф. 5667. Оп. 5. Д. 395. Л. 1–2. Кроме вышеупомянутых «сибирских» заявлений о переименовании в честь Ленина, ЦИК СССР рассматривал следующие ходатайства, поступившие из Сибирского края: районного съезда советов Спасского района Тарского уезда Омской губернии (переименовать с. Спасское и район), Усятского потребительского общества Усятской волости Бийского уезда Алтайской губернии, а также Политуправления РВС Западно-Сибирского военного округа (переименовать бронепоезд № 30, бывший № 51 «Мститель за погибших коммунаров», в бронепоезд им. Ильича). Ходатайств такого рода было бы гораздо больше, если бы не циркуляр Сиббюро ЦК РКП(б), рекомендовавший местам в феврале 1924 г. отнестись к присвоению фамилии и имени Ленина «с особой осторожностью». (См. ГАНО. Ф.П-10. Оп. 1. Д. 805. Л. 31).

⁵ 9 мая 1924 г. ЦИК СССР отклонил переименование Кронштадта — в «Во-

однако в целом руководство РККА поддержало решение, «присвоение частям, учреждениям и заведениям имени Ленина как систему — отвергнуть»¹.

Практика начала 1920-х годов показывала, что ЦИК СССР, как правило, утверждал задним числом самовольные переименования, учитывая заявления мест о том, что новые названия «прижились», широко используются населением и т.д. Однако в случае с «ленинскими переименованиями» жесткая линия была выдержана до конца. Показательным здесь является отклонение эмоциональной просьбы воспитанников Велижской школы-коммуны Витебской губернии, направленной в ответ на сообщение об отмене присвоения коммуне имени Ленина: «Мы все сироты, беспризорные, дети пролетариата. Мы все юные пионеры [...] Мы просим не отнимать у нас имя Ильича, отца детей коммуны. Мы даем торжественное обещание, что мы ни на одну минуту не забудем, что мы носим имя Ильича. Владимир Ильич Ленин живет с нами и в нас»². Не помогали ни ссылки на «политическое значение отмены» произведенного переименования, как это было в случае с телеграммой Я.Б. Гамарника, добивавшегося узаконения переименования центральной улицы Владивостока Светланской в им. Ленина, ни указания Саратовского губисполкома на то, что вопрос о переименовании Рязано-Уральской железной дороги в Ленинскую «возбуждался непосредственно рабочими» и «на практике в психике рабочих дороги сложилась уверенность в том, что дорога уже переименована в Ленинскую»³. Иногда, как это было в случае с немецкой колонией Николайполь Аулиа-Атинского района Сыр-Дарьинской области Туркестанской АССР, переименованной местными властями в колонию Ленинополь, к тому моменту, как стало известно об отказе ЦИК СССР, уже были даже заменены или переделаны «все вывески, штемпеля и штампы». «Мы надеемся», писали наиболее сознательные немецкие крестьяне, «что ВЦИК разрешит нашу просьбу в положительном смысле и этим разрушит злорадство известного элемента, которым было совсем не по серд-

енно-морскую крепость Ильича», маяков Толбухина (Балтийское море) — в маяк Ильича, Воронцовского маяка (Черное море) — в маяк им. Ленина, Николаевского маяка (устье Амурского лимана) — в маяк им. Владимира Ильича. (См.: ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 10. Л. 179).

¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 10. Л. 175.

² Там же. Л. 53–54.

³ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 10. Л. 147; Д. 11. Л. 5, 20.

цу такое переименование, потому что это было слишком близко к коммунизму, которого они опасаются больше огня»¹.

В завершении темы ленинских переименований следует отметить, что главным мотивом большинства ходатайств мест, отклоненных ЦИК СССР, было стремление избавиться от «старорежимного» имени, или, как формулировалось в одном из писем, «нежелание носить имена прежних собственников, равно как и дававшиеся в честь царизма». Жители с. Воронцовка Тамбовского уезда и губернии просили убрать имя «бывшего местного помещика» Воронцова-Дашкова и переименовать его в «селение Ильич», Астраханский губисполком ходатайствовал о переименовании Зацаревской волости и села — в Ленинскую. Тульский губисполком, прося о переименовании с. Ухтомка Орловской волости Епифановского уезда Тульской губернии, писал, что село «по-прежнему носит название по бывшему князю Ухтомскому, последним именем население возмущено, население данного села за все время революции вполне доброжелательно относилось к Советской власти, что доказывается своевременностью выполнения всех государственных налогов»².

К концу 1924 г. поток ходатайств о переименовании в честь Ленина иссяк. Правило, согласно которому любое «ленинское» переименование подлежало утверждению ЦИК СССР или, соответственно, Президиума Верховного Совета СССР, продолжало неуклонно соблюдаться по меньшей мере до конца 1930-х годов. Наиболее громким отзвуком кампании «ленинских» переименований стало заявление объединенной группы служащих административно-правительственных учреждений г. Тамбов в составе 216 человек от 23 февраля 1927 г., в котором предлагалось переименовать Москву «в гор. Ильича». Ходатаи «справедливо полагали», что «такое название более скажет уму и сердцу пролетариата, чем отжившее и бессмысленное, к тому же нерусское и не имеющее логических корней, название Москва»³.

Летом – осенью 1924 г. на карте СССР появились три новых громких названия в честь революционных вождей, которые оче-

¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 11. Л. 120.

² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 10. Л. 78, 117.

³ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 20. Д. 802. Л. 1–2. С заявлением было ознакомлено высшее партийно-советское руководство СССР: 5 мая 1927 г. секретариат председателя ЦИК СССР переслал копию ходатайства И.В. Сталину, Н.А. Угланову, А.И. Рыкову, А.С. Киселеву и А.С. Енукидзе.

видно можно рассматривать как определенный ответ на кампанию «ленинских» переименований, особенно учитывая тот факт, что два города получили имена людей, претендовавших на ленинское наследие, а третий был переименован в честь покойного близкого соратника Сталина. Во всех трех случаях инициаторами выступили местные органы власти и профессиональные организации, поддержанные председателем ЦИК УССР Г.И. Петровским и секретарем ЦИК УССР А.И. Буценко. В результате постановлением ЦИК СССР от 6 июня 1924 г. г. Юзовка был переименован в г. Сталин, Юзовский округ — в Сталинский округ и ст. Юзовка Екатеринбургской ж.д. — в ст. Сталино¹. 5 сентября 1924 г. последовало соответствующее решение о переименовании города, округа и ж.д. станции Елисаветград соответственно в город, округ и ж.д. станцию Зиновьевск². Завершало трио «украинских» переименований постановление Президиума ЦИК СССР от 12 сентября 1924 г. о переименовании города, округа и ж.д. станции Бахмут — в город, округ и ж.д. станцию Артемовск, в честь видного советского политического деятеля Ф.А. Сергеева (Артема), трагически погибшего в июле 1921 года³.

На конец 1924 г. пришлось еще два крупных переименования. В ответ на телеграфное ходатайство Екатеринбургского облисполкома № 55 от 22 октября 1924 г., поддерживавшего «единодушно выраженное мнение рабочих организаций Урала», «приурочить к годовщине Октябрьской революции переименование города в Свердловск», уже 3 ноября 1924 г., без каких-либо возражений и проволочек, было принято соответствующее постановление ВЦИК, утвержденное 14 ноября 1924 г. постановлением Президиума ЦИК СССР⁴. Несколько особняком на этом фоне переименований в честь большевистских вождей выглядит переименование г. Скобелев Ферганской области Туркестанской АССР, названного в честь выдающегося русского военачальника

¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 135. Л. 7. Ходатайство было поддержано ЦИК УССР 22 апреля 1924 г.

² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 140. Л. 5.

³ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 141. Л. 1–2.

⁴ ГА РФ. Ф. 5667. Оп. 5. Д. 342. Л. 1–2. Переименование было санкционировано постановлением Политбюро ЦК РКП(б) от 30 октября 1924 г. (См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 472. Л. 6).

М.Д. Скобелева в г. Фергана, утвержденное ЦИК СССР 24 ноября 1924 года¹.

Даже введенный в ограничительные рамки процесс переименований привел к концу 1924 г. к существенным изменениям топонимического ландшафта СССР. Своеобразная оценка масштабов этой деятельности была дана в письме, адресованном 8 июля 1924 г. от имени председателя Истпарта М.С. Ольминского секретарю ЦИК СССР А.С. Енукидзе: «тов. Ольминский просил поставить на заседании организационной подкомиссии всесоюзного „Комитета 1905 г.“ вопрос о срочном издании сборника переименованных за период революции 1) автономных областей, губерний, городов и местечек 2) исторических зданий, улиц и площадей главных городов, заводов, фабрик и фабричных поселков и, наконец, 3) линий и станций ж.д. Спешность издания вызывается тем, что особенно в сочинениях по 1905 г., где будет много указано железнодорожных станций, фабричных поселков, заводов и т. п., нужна ориентировка современному читателю и особенно комсомольцу. Да и 20-я годовщина 1905 г. приближается»². Инициатива Ольминского не нашла поддержки: 14 ноября 1924 г. ЦИК СССР принял решение «признать преждевременным «издание справочника о всех переименованных городах, губерниях и пр. со времен Октябрьской революции»³.

Общий итог переименования населенных пунктов РСФСР к концу 1924 г. выглядел довольно скромно — по данным Административной комиссии при ВЦИК РСФСР, всего начиная с 1917 г. по 24 сентября 1924 г. было переименовано 27 городов. Причем политико-идеологический мотив доминировал в подавляющем большинстве случаев (Верный — Алма-Ата, Темир-Хан-Шура — Буйнакск, Царское Село — Детское Село, Пржевальск — Каракол, Ямбург — Кингисепп, хутор Романовский — Кропоткин, Екатеринодар — Краснодар, Царевококшайск — Краснококшайск, Петроград — Ленинград, Пришиб — Ленинск⁴, Талдома — Ленинск, Баронск — Маркштадт, Петровск — Махачкала, Святой Крест — Прикумск, Асхабад — Полторацк, Николаев — Пугачевск, Царево-Санчурск — Санчурск, Кукарка — Советск, Гатчина — Троицк,

¹ ГА РФ. Ф. 5667. Оп. 2. Д. 290. Л. 11.

² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 17. Д. 141. Л. 3.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Автору не удалось установить, о каком населенном пункте идет речь.

Симбирск — Ульяновск, Романов-Борисоглебск — Тутаев, Орлов — Халтурин). В целом по Советскому Союзу «Список переименованных местностей СССР», составленный по данным Административной комиссии по состоянию на 10 сентября 1924 г., включал в себя 64 наименования¹.

*Сталинград, Новосибирск, Чапаевск:
переименования второй половины 1920-х годов*

Запрет, наложенный центральной властью на массовые переименования в честь Ленина, подтвердил решимость руководства страны выдерживать умеренный курс, взятый ранее в этом вопросе. В то же время логично предположить, что «ленинская» кампания выступила своеобразным катализатором для дальнейших переименований, заставив в первую очередь местные власти и «организованных трудящихся» задуматься об актуальности смены старых названий. Если нельзя было добиться переименования в честь Ленина школы, села, железной дороги или города, то можно было попробовать другие варианты. Кроме того, и у рабочих коллективов, и у местных властей появился определенный организационно-бюрократический опыт в этом вопросе.

В начале 1925 г. из редакции «Крестьянской газеты» в ЦИК СССР было переслано письмо крестьянина Владимирской губернии Александровского уезда Васильева, выступившего с инициативой переименования острова «Врангеля» в остров «Красный Октябрь». Чтобы «закрыть» вопрос, потребовались решения Административной Комиссии ВЦИК и Дальневосточного ревкома. Комиссия ВЦИК во главе с А.Г. Белобородовым так мотивировала свое решение 23 января 1925 г.: «Исходить из того, что наименование острова, данное по фамилии исследователя его, напоминает белого генерала с той же фамилией, и в силу этого переименовывать остров по меньшей мере неосновательно. Соображения гр-на Васильева об агитационном значении переименования острова Врангеля явно неправдоподобны и основаны, очевидно, на неясном представлении о местонахождении этого острова»². Дальревком проинформировал ВЦИК 4 марта 1925 г. о том, что вопрос

¹ При составлении списка в него были также включены названия уездов и губерний, производные от новых имен городов. За их вычетом в списке упоминаются 40 населенных пунктов. (См.: ГА РФ. Ф. 5667. Оп. 4. Д. 14. Л. 14, 20).

² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 18. Д. 789. Л. 3.

обсуждался на заседании 27 февраля 1925 г., члены ревкома постановили, что для переименования «нет никаких оснований»¹. Несмотря на всю анекдотичность истории, она свидетельствует, что для населения в это время главным мотивом переименования по-прежнему являлось стремление избавиться от «старорежимных» имен. Но наряду все более громко заявлял о себе мотив переименований «в честь отдельных советских работников», ставший действенным инструментом формирования больших и малых культов вождей.

Переименование весной 1925 г. Царицына в Сталинград было предзнаменованием массовых присвоений образца 1930-х годов имени Сталина географическим объектам, населенным пунктам, промышленным предприятиям, колхозам и т.д.² Кампания по переименованию города началась в конце 1924 г., соответствующие постановления были приняты общими собраниями трудовых коллективов города. Так, 16 декабря 1924 г. рабочие и служащие завода «Красный Октябрь» постановили: «Два города в великой русской революции являются аванпостами ея — Петроград и Царицын. Подобно Петрограду, ставшему Ленинградом, мы обязаны переменить название нашего города в Сталинград»³. В такой трактовке это переименование подкрепляло сталинские амбиции на роль единоличного ленинского преемника. Соответствующее постановление Царицынского горсовета было принято уже 1 января 1925 г. В нем приводилась стандартная «революционная» мотивация переименования: «Рабоче-крестьянская власть отбрасывает как ненужное все являющееся пережитками старого и замещает его новым, соответствующим духу великой пролетарской революции. К числу таких наследий старого относится название нашего города — г. Царицына»⁴. Период бюрократического решения вопроса оказался крайне коротким и уже 30 марта и 10 апреля 1925 г. появились соответствующие постановления президиумов ВЦИК и ЦИК СССР о переименовании города, губернии, уезда, волости и станции⁵.

¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 18. Д. 789. Л. 4.

² Царицын был знаковым городом революции и гражданской войны, поэтому его переименование в честь Сталина не идет ни в какое сравнение с переименованием Юзовки.

³ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 18. Д. 774. Л. 26.

⁴ Там же. Л. 31.

⁵ Там же. Л. 37, 40.

Трудно сказать, был ли Сталин напрямую причастен к переименованию Царицына. Партийная этика диктовала в таких вопросах скромность, и Сталин проявил ее в должной мере. Сохранилось его письмо к секретарю Царицынского губкома РКП(б) Б.П. Шеболдаеву, датированное 25 января 1925 г. Сталин в частности писал: «Я узнал, что Царицын хотят переименовать в Сталинград. Узнал также, что Минин¹ добивается переименования его в Мининград. Знаю также, что Вы отложили съезд советов из-за моего приезда, причем думаете произвести процедуру переименования в мое присутствие. Все это создает неловкое положение и для Вас, и особенно для меня. Очень прошу иметь ввиду, что: 1) Я не добивался и не добиваюсь переименования Царицына в Сталинград; 2) Дело это начато без меня и помимо меня; 3) Если уж так необходимо переименовать Царицын, назовите его Мининградом или как-нибудь иначе; 4) Если уж слишком раззвонили насчет Сталинграда и теперь трудно Вам отказаться от начатого дела, не втягивайте меня в это дело и не требуйте моего присутствия на съезде советов, — иначе может получиться впечатление, что я добиваюсь переименования. 5) Поверьте, товарищ, что я не добиваюсь ни славы, ни почета и не хотел бы, чтобы создавалось обратное впечатление»².

В своем ответном письме от 5 февраля 1925 г. Шеболдаев заверил Сталина, что вопрос о переименовании был «поднят партийным активом и поддержан на всех беспартийных рабочих собраниях (единогласно). Вопрос о Минине нигде не поднимался, имелись частные, „закулисные“ разговоры только в связи с его приездом на конференцию, который вообще считаю не совсем удачным». Кроме того, писал Шеболдаев, Сталин должен поддерживать переименование по высоким политическим соображениям, поскольку рабочие увязывают его с «дискуссией о троцкизме [...] как некоторое выявление линии и принятие обязательств перед партией». В заключение Шеболдаев подчеркивал, что приглашение Сталина на губернский съезд советов «явилось результатом искреннего желания членов Горсовета видеть Вас. Иначе

¹ В годы гражданской войны С.К. Минин был членом РВС ряда фронтов и армий, в том числе 10-й (Царицынской) армии и Первой Конной армии.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 831. Л. 44–47. Это письмо было изъято у Шеболдаева во время ареста в 1937 г. и переслано А.Н. Поскребышеву 29 июня 1937 г. старшим майором ГБ М.И. Литвиным.

конечно и быть не могло. На приезд Ваш не рассчитывали и не рассчитываем»¹.

С.К. Минин, возглавлявший Царицынский горсовет после февраля 1917 г., все же стал вместе с покойным Я.З. Ерманом, председателем Царицынского горсовета в октябре 1917 – июне 1918 г., побочным «благоприобретателем» кампании по переименованию Царицына. Постановлением ВЦИК от 30 марта 1925 г. Зацарицынский район, пос. Ельшанка и хутор Ново-Никольское были переименованы в поселок и район им. Минина, а пос. Бекетовка — им. Ермана. Эти переименования «второго плана» также были знаковыми, они показывали, что у советских элит есть реальная возможность завоевать себе социальный престиж и почет в тени Сталина. Сталин восславлялся, не в последнюю очередь за счет присвоения его имени, как главный советский вождь и герой, но часто на том же дыхании рядом с его именем, в том числе в качестве названий улиц, колхозов и городов, бытовали имена других вождей и героев, что привело в 1930-е годы к складыванию, наряду с культом Сталина, десятков «маленьких» культов «верных сталинских соратников»².

Переименование Царицына показательно также с точки зрения позиции, занятой руководством НКПС РСФСР в ходе предварительного обсуждения вопроса о переименовании станций Царицын Юго-Восточной и Северо-Кавказской железных дорог. В начале марта 1925 г. заместитель наркома НКПС РСФСР А.Г. Правдин обратился с официальным письмом к заведующему орготделом ВЦИК Крымову, в котором высказался против переименования. Помимо расходов в сумме не менее 500 руб. на вывески, штемпеля, пломбирочные щипцы, не считая замены бланков и билетов³, переименование, полагал Правдин, вызовет трудности в техническо-коммерческой работе железных дорог, «так как с этим связано много затруднений в оформлении приемки и отправки грузов, почты и т.п., тем более в данном случае при наличии уже ст. Сталино Донецкой ж.д., почти однородного названия со Сталинградом, что

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 831. Л. 55–56.

² См.: *Ennker, B. Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts – eine Synthese // Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts.* Marburg, 2010. S. 347–378.

³ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 18. Д. 774. Л. 36. В свою очередь уполномоченный НКПТ при СНК РСФСР и заместитель наркома И.М. Любич оценил расходы своего ведомства в связи с переименованием Царицына в сумме 3.500 тыс. руб. (См.: Там же. Л. 34).

внесет много путаницы в общую работу дорог»¹. Позицию Правдина поддержал Енукидзе — на письме сохранилась его рукописная резолюция: «Я против переименования. А.Е. 23.03». Таким образом, налицо была ситуация, которая станет совершенно невыносимой спустя всего лишь несколько лет — два высокопоставленных государственных деятеля еще не побоялись выступить против мультипликации названия — производного от имени Сталина, ссылаясь на соображения технического и финансового свойства.

Аполитичные аргументы железнодорожного ведомства о трудностях и финансовых потерях, неизбежно связанных с переименованиями, стали в 1926 г. также временным препятствием на пути переименования г. Алчевск и завода ДЮМО в город и завод имени К.Е. Ворошилова. Хотя все формальные обстоятельства складывались в пользу переименования в честь новоиспеченного народного комиссара по военным и морским делам СССР, поскольку Ворошилов именно на заводе Донецко-Юрьевского металлургического общества начинал свою трудовую и революционную деятельность, а город носил «старорежимное» имя в честь русского купца и предпринимателя А.К. Алчевского, переименование в 1926 г. так и не состоялось. «Заартачилось» железнодорожное ведомство, заявившее о том, что в случае с переименованием города придется переименовывать и ж.д. станцию, «а это вызовет лишние расходы, между тем как в связи с режимом экономии на транспорте, НКПС временно воздерживается от всех переименований станций (за исключением случаев сугубой необходимости)»². В итоге 9 июля 1926 г. вопрос о переименовании Алчевска был снят повестки дня Президиума ЦИК СССР по согласованию с ЦИК УССР, и, как писал секретариат ЦИК СССР в июне 1927 г., «в дальнейшем Президиумом ЦИК рассматриваться не будет»³.

В конце 1925 г. руководство ВЦИК предприняло очередную попытку минимизировать масштаб переименований. Рассмотрев 28 сентября 1925 г. вопрос о переименовании р.п. Рузаево, ж.д. станции Рузаево и Рузаевского уезда Пензенской губернии в р.п. Рыково, ж.д. станцию Рыково и Рыковский уезд, Президиум ВЦИК в переименовании отказал, а также предложил Административной комиссии «не входить в будущем с предложениями о переимено-

¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 18. Д. 774. Л. 36.

² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 19. Д. 765. Л. 6.

³ Там же. Л. 10. Алчевск был переименован в Ворошиловск только в 1931 г.

ваниях». НКВД было отдано распоряжение «разработать и представить на утверждение ВЦИК циркуляр местным органам власти о прекращении возбуждения ими ходатайств о переименовании»¹. Но выдержать линию на полный запрет переименований партийно-советское руководство было не в состоянии, поэтому время от времени региональным элитам удавалось преодолевать запреты такого рода.

Политбюро ЦК РКП(б), насколько позволяют судить протоколы его заседаний, поддерживало ограничительную линию высших органов государственной власти. В сентябре 1924 г., рассмотрев просьбу Средазбюро ЦК о переименовании Семиреченской ж.д. в Держинскую ж.д., Политбюро признало целесообразным передать решение вопроса в Президиум ЦИК СССР, «чтобы в случае переименования это не вызвало новых расходов»². Спустя еще год, по той же схеме, Политбюро переадресовало «на разрешение ВЦИК и ЦИК СССР» ходатайство Архангельского губкома РКП(б) о переименовании Архангельска в Ломоносовск и Архангельской губернии в Ломоносовскую. В результате переименования, как известно, не последовало³.

Заметным событием в череде «нэповских» переименований второй половины 1920-х годов стала смена названия сибирской «столицы». С третьей попытки местным властям наконец-то удалось добиться своего, вместо «старорежимного» имени последнего российского императора город стал носить имя «Новосибирск». Возможно, центр санкционировал переименование в связи с повышением статуса города, ставшего административным центром только что созданного Сибирского края. Название «Новосибирск» было выбрано 9 декабря 1925 г. Первым краевым съездом Советов из целой череды «революционных» имен: город предлагалось назвать Яковлевск, Лашевич, Красносибирск, Ленинсибирск, Владимirosибирск, Калининград. В ходатайстве Сибкрайисполкома во ВЦИК от 20 декабря 1925 г. сделанный выбор объяснялся так: «Это наименование является простым и понятным, лишенным искусственности и случайности, воплощая в себе новый

¹ ГА РФ. Ф. 5667. Оп. 4. Д. 14. Л. 44.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 464. Л. 4. Протокол Политбюро ЦК № 24 от 18 сентября 1924 г.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 519. Л. 6. Протокол Политбюро ЦК № 79 от 17 сентября 1925 г.

бурный рост Сибирского края во главе с его молодым Центром»¹. Слово «новый» также было ключевым в ходатайстве Новониколаевского окрисполкома от 19 декабря 1925 г.: «Новониколаевска, жалкого уездного царского городишки, давно нет. Убогие лачуги царского городка оттеснены новыми громадными домами, построенными при советской власти. На месте царского Новониколаевска вырос большой новый советский город»².

Но именно первый корень «Нов» в предлагавшемся названии города, столь важный для сибирских властей в контексте «революционного обновления», вызвал нарекания у Административной комиссии ВЦИК во главе с А.Г. Белобородовым. 28 января 1926 г. Белобородов завил о том, что Комиссия «признала переименование гор. Ново-Николаевска целесообразным, однако наименование „Ново-Сибирск“ — неудачным, так как иных наименований «Сибирск» не существует, поэтому присоединение слова „Ново“ логически не оправдываемо». В силу изложенного, Административная комиссия ВЦИК «полагала наиболее целесообразным, переименовать гор. Ново-Николаевск в гор. „Сибирск“»³. Потребовалось оперативное вмешательство свежеепеченного председателя Сибирского краевого исполнительного комитета Р.И. Эйхе, чтобы отстоять название, при этом аргументация Эйхе была грамотной и убедительной. 4 февраля 1926 г. он писал во ВЦИК: «Название признано неудачным ввиду отсутствия в СССР города Сибирска. На краевом съезде советов указанное обстоятельство принималось к рассмотрению [...] тем не менее съезд признал необходимым сохранить слово „Ново“, желая подчеркнуть этим первенствующее значение сибирского центра в деле строительства новой политической, общественной и культурно-экономической жизни Сибирского края. Кроме того, поскольку слово „Ново“ за долгий промежуток времени освоено населением и прочно укоренилось в сибирском словоупотреблении в отношении города, оно не может явиться для населения чем-то искусственным»⁴. Эйхе удалось отстоять точку зрения «сибиряков», соответствующее постановление о переименовании бы-

¹ ГА РФ. Ф. 5667. Оп. 7. Д. 201. Л. 3.

² Там же. Л. 4.

³ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 19. Д. 754. Л. 13.

⁴ ГА РФ. Ф. 5667. Оп. 7. Д. 201. Л. 14.

ло принято Президиумом ВЦИК 8 февраля 1926 г., Президиумом ЦИК СССР — 12 февраля 1926 г.

Конец 1920-х годов знаменовался первой ревизией политически мотивированных топонимов советской эпохи, которая стала следствием острой борьбы, развернувшейся в верхушке ВКП(б) среди наследников Ленина. На основании ходатайства Средне-Волжского облисполкома, поддержанного президиумом ВЦИК, предлагавшего таким образом «отметить 10-летие освобождения г. Троцка от чехословаков», ЦИК СССР своим постановлением от 13 февраля 1929 г. принял решение о переименовании Троцкв (пос. Иващенко) Самарского округа Средне-Волжской области в г. Чапаевск¹. В марте 1929 г. ходатайство о переименовании еще одного города имени Троцкого подал Ленинградский облисполком, и уже 2 августа 1929 г. Троцк (Гатчина) был переименован в Красногвардейск, а Троцкий район Ленинградской области — соответственно в Красногвардейский².

Определенное изменение претерпела к концу 1920-х годов также ограничительная политика центра в отношении переименований. Еще в ноябре 1927 г. Президиум ВЦИК поручил Административной комиссии рассмотреть возможность «некоторой децентрализации при переименовании населенных пунктов», однако с тем, чтобы «присвоение наименований производилось по географическим и тому подобным принципам»³. Проект постановления, подготовленный комиссией, действительно вносил определенную децентрализацию: если в отношении переимено-

¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 22. д. 816. Л. 3, 8. Первая попытка назвать город в честь Чапаева была предпринята Президиумом Уральского губисполкома и поддержано ЦИК Киргизской АССР в 1925 г. Речь шла о переименовании г. Гурьева и уезда в г. Чапаевск и Чапаевский уезд. Хотя ни одно из ведомств не возражало против переименования, в том числе свое согласие выразила Административная комиссия ВЦИК, 14 августа 1925 г. Президиум ЦИК СССР постановил отклонить ходатайство. См. ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 18. Д. 777. Л. 1–2.

² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 22. д. 821. Л. 7. В мае 1926 г. один из киевских рабочих предложил Киевскому горсовету переименовать г. Киев в Троцкий, который в таком случае «не будет более напоминать о мифическом „Кие“ [...] названием своим будет рассказывать о той великой революционной работе, которую проделал тов. Троцкий на Украине». Однако никаких шансов на такое переименование в 1926 г. уже не имелось. (См.: Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998. С. 503).

³ ГА РФ. Ф. 5667. Оп. 8. Д. 9. Л. 1.

вания населенных пунктов с телеграфом и ж.д. станций продолжал действовать старый порядок (только с санкции Президиума ЦИК СССР), то право переименовывать населенные пункты без телеграфа с количеством более 200 жителей теперь получал Президиум ВЦИК, менее 200 жителей — исполкомы губернских, краевых и областных советов. При этом переименования по-прежнему рекомендовалось проводить лишь в крайних случаях. В соответствии с этими рекомендациями 12 ноября 1928 г. было утверждено постановление ВЦИК «О порядке переименования населенных пунктов и административно-территориальных единиц». Однако уже в конце 1928 г. руководство ВЦИК отмечало, что требования нового постановления выполняются слабо, наименования «в значительной степени отличаются единообразием, весьма значительный процент составляют названия „Красный“, „Октябрьский“, „Первомайский“» и т.д.¹ Президиум ВЦИК требовал, чтобы населенные пункты именовались «в соответствии с местными географическими, топографическими, бытовыми и прочими условиями», но дух сталинской «революции сверху» диктовал логику других решений.

Переименования «Великого перелома» и первых пятилеток

Классикой советской практики ревизии топонимики образца 1920-х – начала 1930-х годов может считаться решение Президиума ВЦИК от 20 января 1930 г., утвердившего ряд переименований по Московской области. В этом постановлении присутствовал налицо весь набор основных мотивов смены имен: «старорежимность», религиозность и неблагозвучность старых названий. Так, Александров-Невский район Рязанского округа был переименован в Новодеревенский, город и станция Богородск — в город и станцию Ногинск, город станция Сергиев Посад — в город и станцию Загорск, с. Душегубово Каширского района Серпуховского округа — в с. Солнцево, дер. Попиха Дмитровского района Московского округа — в дер. Садовую². Консультант-практик Ткаченко, который готовил материалы для соответствующего заседания Президиума ЦИК СССР от 6 марта 1930 г., так обосновал 23 февраля 1930 г. необходимость переименований: «мотивы переименования города и станции Богородск — несоответствие существующего названия

¹ ГА РФ. Ф. 5667. Оп. 8. Д. 9. Л. 37.

² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 23. Д. 416. Л. 1.

современному строю и культурно-политическому строю населения. [...] Мотивы переименования города и станции Сергиев Посад — связь существующего названия с религией. Новое наименование дается в память тов. Загорского, бывшего секретаря МК ВКП(б), погибшего при взрыве в Леонтьевском переулке (ранее работал в Сергиевском районе)»¹.

В этом же русле было принято решение о целом ряде крупных переименований начала 1930-х годов. 18 октября 1931 г столица АССР Немцев Поволжья была переименована, с учетом «постановлений общих собраний трудящихся и общественных организаций г. Покровска» в г. Энгельс². Здесь, как и в случае с Богородском и Загорском, налицо было стремление избавиться от имени, напоминавшем о религии. 23 февраля 1932 г. было заменено неблагозвучное название г. Козлов, которое к моменту переименования город носил почти 300 лет. На переименовании в Мичуринск активно настаивал местный районный комитет ВКП(б), который за три недели до принятия решения ЦИК СССР, заручившись поддержкой Тамбовского обкома ВКП(б), объявил о переименовании на торжественном пленуме³. Постановлением ЦИК СССР от 27 марта 1932 г. Щегловск стал именоваться Кемерово. Инициатором переименования выступил Щегловский горсовет, поддержанный Президиумом Западно-Сибирского краевого исполкома, который вдруг ощутил невозможность того, чтобы город и впредь именовался именем «бывшего крупного кулака Щеглова». В справке консультанта ЦИК СССР от 25 января 1932 г. отмечалось: «Новое название города — Кемерово — характеризует местные угольные богатства окрестностей города, которые известны под названием „кемеровский уголь“. Г[ород] Щегловск расположен у ст. Кемерово»⁴.

Тем не менее, мотивы «старорежимности», «религиозности» и неблагозвучности по мере развития сталинской революции сверху играли в переименованиях все меньшую роль. Начиная с 1932–1933 гг., в СССР стартовал продолжительный период превознесения и празднования собственных успехов. В результате использование «нейтральных» имен становилось в советской топонимике

¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 23. Д. 416. Л. 8.

² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 24. Д. 234. Л. 1-2.

³ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 12. Л. 1. Решением ЦИК СССР за ж.д. станцией при городе было сохранено название «Козлов».

⁴ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 13. Л. 1-5.

редкостью, все чаще предпочтение отдавалось личным именам представителей советско-партийных элит, олицетворявших собой достижения «страны Советов». В начале 1930-х годов Президиумом ЦИК СССР было принято несколько решений, которые свидетельствуют о стремлении центра взять под контроль этот процесс присвоения имен «больших» и «малых» вождей и по возможности ввести его в разумные рамки. Так, согласно постановления Президиума ЦИК СССР от 3 ноября 1931 г. «О порядке присвоения имен отдельных работников городам, железным дорогам, станциям, районам, селам, предприятиям и т.д.», присвоение производилось с предварительного утверждения Президиума ЦИК СССР или Президиумов ЦИК союзных республик «по принадлежности». Но уже в марте 1932 г. центр фактически решил лишить союзные республики права присваивать имена «вождей». 23 марта 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б), заслушав доклад А.С. Енукидзе и П.П. Постышева, приняло решение «установить порядок присвоения имен отдельных работников только с санкции Президиума ЦИК СССР»¹. Мотивировалось это, согласно справке секретариата Президиума ЦИК СССР от 1 июня 1932 г., тем, что «имеют место случаи присвоения в союзных республиках имен одних и тех же работников ряду населенных пунктов и предприятий, что затрудняет пользование почтой и телеграфом»².

Но, очевидно, введенные ограничения вызвали протест республиканских элит, поскольку уже 17 июня 1932 г. было дано дополнительное разъяснение: обязательное решение Президиума ЦИК СССР требовалось для присвоения имен отдельных работников всем населенным пунктам, а также учреждениям, организациям и предприятиям, имеющим общесоюзное значение. Присвоение же имен отдельных работников учреждениям, организациям и предприятиям федеративного, республиканского и местного значения производилось постановлениями Президиумов ЦИК соответствующих союзных республик. Это послабление привело к массовым переименованиям в 1930-е годы огромного количества организаций, предприятий и учреждений, в первую очередь колхозов и совхозов, названных именами больших и малых «вождей».

¹ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп.3. Д. 877. Л. 2. Показательно, что этим же решением Политбюро отменило решение Президиума ЦИК СССР от 3 ноября 1931 г., отклонявшее ходатайство ЦИК Таджикской ССР о переименовании города Сарай-Комар в Бауманабад и разрешило провести переименование.

² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 31. Л. 5, 9.

На этой волне переименований новое «революционное» имя в честь Сталина — главного героя Советского Союза — мог бы получить один из крупнейших городов России — Челябинск. Летом 1931 г. в ЦИК СССР была послана телеграмма Челябинского горсовета, в которой в частности говорилось: «В связи с перестройкой города из сельско-торгового центра в один из основных пунктов Урало-Кузнецкого комбината [...] поддержать ходатайство рабочих и трудящихся [Тракторостроя] в переименовании города Челябинска в город Коба, присвоив это имя городу в честь вождя партии тов. Сталина, носившего эту кличку в годы подполья [...] Просить Уралсовет и ЦИК СССР срочно рассмотреть настоящее заявление и удовлетворить просьбу трудящихся Челябинска»¹. Не возражал против переименования также и НКПС, заместитель наркома заявил, что «в случае положительного решения будет возбужден вопрос о переименовании ст. Копа Турксиба в предупреждении засылок груза по созвучию названий „Коба“ и „Копа“»². Совершенно очевидно, что такой вопрос не мог быть решен без участия Сталина. 15 ноября 1931 г. заведующий секретариатом Президиума ВЦИК Вербицкий сообщил в секретариат Президиума ЦИК СССР, что «вопрос о переименовании Челябинска в г. Коба отложен до особого распоряжения по просьбе тов. Енукидзе», на этом переписка по данному вопросу оборвалась. «Хозяин», очевидно руководствуясь здравым смыслом, заблокировал переименование.

Это, впрочем, не помешало руководству Челябинской области в 1936 г. вновь попытаться переименовать город, на это раз в Кагановичград. С личным письмом к Сталину 19 сентября 1936 г. обратился первый секретарь Челябинского обкома ВКП(б) К.В. Рындин, который указал, что «„Челябинск“ в переводе на русский язык означает „яма“», это отсталое название устарело и нисколько не соответствует «внутреннему содержанию» города, который за годы пятилеток «из старого казацко-купеческого городишка превратился в крупнейший индустриальный центр». Несоответствие якобы было настолько вопиющим, что вопрос о переименовании города, по словам Рындина, ставился перед областными организациями «в течение последних полутора лет [...] Это предложение высказывалось и отдельными товарищами, и на пленуме областного комитета

¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 24. Д. 229. Л. 3 об.

² Там же. Л. 9.

партии, и на собраниях городского партийного актива». Лапидарная резолюция вождя гласила «Против. И. Ст.»¹. Сыграло ли здесь роль его языковое чутье или переименование такого города было Л.М. Кагановичу явно не «по рангу»², но Челябинск сохранил свое историческое название.

Возможно, Челябинск не удостоился чести носить партийную кличку вождя, проиграв в конкурентной борьбе за имя Сталина другому гиганту первых пятилеток — Новокузнецку с его знаменитым металлургическим комбинатом. Постановление Президиума ЦИК СССР о переименовании Новокузнецка в Сталинск последовало 5 мая 1932 г. К этому времени с момента переименования железнодорожной ст. Кузнецк Томской ж.д. в станцию Новокузнецк прошло всего чуть больше пятнадцати месяцев. Инициатором переименования являлся Сибкрайисполком, а непосредственным ходатаем — НКПС. Переименование, говорилось в его обращении в ЦИК СССР, «вызывается существованием другой станции „Кузнецк“ на Московско-Казанской ж. д. Станция „Кузнецк“ Томской ж. д. находится в районе Кузбасса, имеющего для всего СССР огромное значение в смысле снабжения промышленности. В районе этой станции разворачивается большое строительство»³. ЦИК СССР санкционировал переименование станции 31 января 1931 г., а уже 3 июля 1931 г. из поселка Сад-город был создан город Новокузнецк. В марте 1932 г. железнодорожная станция была включена в городскую черту.

Переименование Новокузнецка в Сталинск прошло достаточно быстро, но стоило нервов партийному руководству строительства КМК во главе с Р.М. Хитаровым. 3 апреля 1932 г. в ЦИК и СНК СССР, Народный комиссариат тяжелой промышленности СССР и в редакцию «Правды» была отправлена телеграмма за его подписью, в которой от имени собрания партийно-советского, профсоюзного, комсомольского и хозяйственного актива с рабочи-

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 639. Л. 15.

² Так, 17 октября 1932 г. Президиум ЦИК СССР без какой-либо волокиты и возражений утвердил присвоение «имени тов. Кагановича» нефтерудникам Шор-Су и переименовал Кудашский района Узбекской ССР в район имени Кагановича. (См.: ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 42. Л. 1). В честь Л.М. Кагановича в СССР было переименовано множество населенных пунктов, в том числе города Терновск (сегодня Новокаширск) и Попасная, но ни один из них не мог по статусу равняться с Челябинском.

³ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 23. Д. 410. Л. 4.

ми-ударниками и инженерно-техническими работниками высказывалась просьба присвоить городу имя Сталина: «[...] тов. Сталину принадлежит инициатива создания угольно-металлургической базы на востоке [...]. Пусть имя Сталина будет для нас знаменем дальнейшей борьбы за чугун и сталь, за железную базу социализма. Город Сталинск будет новым мощным центром социалистической культуры [...]. Оправдаем ответственное название, которое просим дать нашему заводу и городу»¹. Решение о переименовании могло последовать только с санкции Сталина, а он явно не торопился. 24 апреля 1932 г. обеспокоенный Хитаров обратился с письмом к Л.М. Кагановичу: «Крайком партии решил поддержать наше ходатайство. Однако от центральных организаций мы не имеем никакого ответа на нашу просьбу, а центральная печать не поместила совершенно сообщений о нашем решении. Мы просим Вас, тов. Каганович, ускорить разрешение данного вопроса в духе решения ударников и общественных организаций Кузнецкстроя»². На оригинале письма Хитарова сохранились положительные рукописные резолюции членов Политбюро ЦК ВКП(б) Кагановича, Орджоникидзе, Ворошилова, Молотова и Калинина. После этого письмо с резолюциями было переслано А.С. Енукидзе «для решения в советском порядке», которое и последовало 5 мая 1932 г.

Переименование Новокузнецка сопровождалось громкой пропагандистской кампанией под лозунгом «Будем достойны имени Вождя». Газеты взахлеб писали о том, что «Постановление Президиума ЦИК [...] нашло горячие отклики в рядах тех, кто героически строил и продолжает строить этот первый в Сибири металлургический гигант. Постановление вызвало новую волну героизма и творческого воодушевления в борьбе за новые агрегаты и ликвидацию прорыва в исполнении плана второго квартала. Бригады передают лучших ударников в партию и берут ударные обязательства по внедрению хозрасчета и организации труда [...] В прокатном цеху митинг ударников постановил — бригаде, которая даст лучшие производственные показатели, присвоить имя Сталина, для чего сейчас разворачивается с новой силой соревнование и ударничество»³.

¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 27. Л. 3.

² Там же. Л. 1.

³ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 27. Л. 8. В 1933 г. на карте СССР мог бы появиться еще один город, носивший имя Сталина: 27 февраля 1933 г. в адрес Политбюро поступила шифротелеграмма из Верхнеудинска от первого секре-

Еще одним крупным пропагандистским событием 1932 г. стало переименования Нижнего Новгорода в Горький¹. Интересно, что переименование станции Нижний Новгород и пристани Нижний Новгород «в ознаменование 40-летней литературной и общественной деятельности» А.М. Горького последовало лишь год спустя, 17 октября 1933 г. Причем от этого переименования косвенно пострадала станция Горки Московско-Казанской ж.д., переименованная по принципу избегания созвучия в станцию Фруктовая². В 1933 г. также было осуществлено переименование в честь секретаря ЦИК СССР А.С. Енукидзе, человека, который имел определенное влияние на политику в сфере переименований и чья подпись стоит под большинством соответствующих постановлений ЦИК СССР. С санкции Политбюро ЦК ВКП(б) Амбролаурский район Грузии был переименован в район имени Енукидзе и районный центр Амбролаури — в город Енукидзе³.

Наиболее массовые переименования 1930-х годов были осуществлены в честь трех умерших партийных вождей — Кирова, Куйбышева и Орджоникидзе. Каждый раз в рамках увековечивания их памяти переименовывались сотни предприятий, учреждений и населенных пунктов, а также ряд географических объектов. При этом в нарушении всей устоявшейся практики переименований одно и то же имя получали несколько городов одновременно. В честь Кирова спустя менее недели после его убийства была переименована Вятка, а из состава Горьковского края был специально выделен Кировский край. 27 декабря 1934 г. произошло весьма символическое переименование — с карты СССР исчез

таря Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) М.Н. Ербанова и председателя ЦИК Бурят-Монгольской АССР Б.Д. Дабаина о переименовании Верхнеудинска в Сталинхото, однако эта инициатива не получила поддержки Сталина. Тем не менее в качестве ответной любезности постановлением Политбюро от 5 марта 1934 г. Высшей колхозной сельскохозяйственной школе в г. Верхнеудинске было привоеено имя Ербанова. (См.: РГАСПИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 940. Л. 10; Ф. 558. Оп. 11. Д. 64. Л. 13).

¹ Писатель Виктор Шкловский так отозвался на переименования в честь Горького в «Чукоккале», рукописном альманахе К.И. Чуковского. 23 декабря 1932 г. он написал: «Эпоха переименована в максимально горькую». Ю. Тынянов добавил ниже: «Если ты не согласен с эпохой — охай». Цитирую по: Лукьянова И.В. Чуковский. М., 2007. С. 221.

² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 49. Л. 1–2.

³ Инициатором переименования являлся ЦК КП(б) Грузии. (См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 929. Л. 16. Протокол Политбюро ЦК № 144 от 29 августа 1933 г.).

Зиновьевск (Елисаветград) и вместо него появился город Кирово¹. На Зиновьева вместе с Каменевым была возложена политическая ответственность за убийство Кирова, и такое переименование выглядело как высший акт справедливости². В честь Куйбышева были названы сразу четыре города, причем по времени эти переименования практически совпали с «кировскими».

Несмотря на внешнее соблюдение ритуала, кампания переименований в честь Г.К. Орджоникидзе была менее помпезной и массовой, чем в случае с Кировым и Куйбышевым. Город, посмертно названный в честь Орджоникидзе — Енакиево (в 1928–1937 гг. — Рыково) — нельзя отнести к числу значимых городов сталинской эпохи. Два других города, названные в честь Орджоникидзе — Владикавказ и Бежица — получили свои новые имена соответственно в 1931 году³ и 1936 г., то есть еще до криминальной смерти сталинского наркома. Пожалуй, наиболее крупным посмертным переименованием в честь Серго было присвоение его имени в марте 1937 г. Северо-Кавказскому краю. Несомненно, кампания по переименованию в честь Орджоникидзе могла бы принять более широкие масштабы. Так, своим постановлением от 20 февраля 1937 г. за подписью заместителя председателя Западно-Сибирского крайисполкома Д.И. Воронина и секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) К.М. Сергеева краевой исполком и бюро крайкома приняли решение «об увековечении памяти тов. Г.К. Орджоникидзе», в рамках которого предлагалось «1. Переименовать Томскую ж.д. 2. Переименовать гор. Прокопьевск в гор. Орджоникидзе, ж. д. станцию Усяты г. Прокопьевска — в станцию Орджоникидзе. 3. Присвоить имя Орджоникидзе заводу № 153 в гор. Новосибирске»⁴. Логично

¹ Ленинградский коммунистический университет лишился имени Зиновьева еще в декабре 1926 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б). (См.: РГАСПИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 607. Л. 7. Протокол Политбюро ЦК № 74 от 23 декабря 1926 г.).

² Подробнее о «кировских» переименованиях см.: Поздняков А. Третий после Ленина и Гагарина. С. 36-37.

³ Соответствующее постановление было принято Политбюро ЦК ВКП(б) 10 августа 1931 г. и проведено «в советском» порядке Президиумом ЦИК СССР 3 сентября 1931 г. (См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 841. Л. 7; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 24. Д. 227. Л. 2).

⁴ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 8. Л. 2. См. ниже о требованиях населения переименовать Томск и Томскую железную дорогу по мотиву созвучия с именем М.П. Томского. Возможно, именно поэтому Томская железная дорога попала здесь в первые кандидаты на переименование. Показательно, что ни одно из этих решений не было выполнено.

предположить, что сибирские власти были далеко не единственными среди тех, кто в рамках устоявшейся традиции предлагал варианты увековечивания имени трагически погибшего вождя, однако их порыв был холодно встречен в Кремле. Очевидно, не случайно еще при жизни Сталина Енакиево и Бежица получили назад свои исторические названия, Владикавказ был переименован в Дзуджикау, а Орджоникидзевский край — в Ставропольский.

Из несостоявшихся переименований в преддверии Большого террора обращает на себя внимание попытка руководства Мордовской АССР переименовать столицу автономии г. Саранск в Чапайгорск. Очевидно, на фоне популярности фильма «Чапаев», вышедшего на советские экраны в конце 1934 – начале 1935 г., власти Мордовии сочли момент удобным для того, чтобы обратить на себя внимание Кремля. В качестве предлога для переименования использовалась версия о мордовском происхождении В.И. Чапаева. Соответствующее постановление, принятое 3-й сессией ЦИК Мордовской АССР 23 декабря 1935 г. гласило: «Переименовать столицу Мордовии гор. Саранск в Чапайгорск в честь героя гражданской войны В.И. Чапаева, происходящего из мордвы»¹. Для подтверждения своего ходатайства руководство Мордовской АССР заручилось поддержкой заместителя командующего войсками Приволжского военного округа, комкора И.С. Кутякова, принявшего командование 25-й стрелковой дивизией непосредственно после гибели Чапаева. В конце февраля 1936 г. Кутяков отправил во ВЦИК телеграмму следующего содержания «Отвечаю — Чапаев Василий Иванович бывший начдив 25 по национальности мордвин. Комкор Кутяков»². Тем не менее, 20 марта 1936 г. ходатайство о переименовании Саранска было отклонено ВЦИК.

Осенью 1936 г. два наркомата, традиционно в силу своих ведомственных интересов старавшиеся ставить палки в колеса советских переименований, были вынуждены высказать свое компетентное мнение по поводу ходатайства Президиума ЦИК Белорусской ССР о переименовании Хойниковского района в Молотовский и местечка и станции Хойники — в Молотово. Ответы наркоматов, особенно наркомата связи СССР, дают наглядную картину массовости и масштабности переименований 1930-х годов в честь большевистских вождей. Высказываясь против оче-

¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 29. Д. 16. Л. 2.

² Там же. Л. 5.

редного переименования, НКПС СССР отметил, что «на Дальневосточной ж.д. уже имеется ст. Молотов», список же связистов был гораздо длинней. По данным Управления почтовой связи НКС СССР, одноименные районы и центры, названные в честь Молотова, имелись в Уссурийской области, Дальневосточном крае, Карагандинской области, Казахской АССР, Узбекской ССР, Свердловской области и в Сталинградском крае, кроме того, в честь Молотова был назван «ряд населенных пунктов по другим республикам, краям и областям Союза ССР»¹. Далеко не всем переименованиям такого рода было суждено выдержать ревизию, наведенную в советской топонимике Большим террором.

Переименования периода Большого террора

Первые переименования советских топонимов, ставшие следствием политического устранения Троцкого, были лишь бледным подобием массовой кампании переименований периода Большого террора, когда одни и те же объекты могли неоднократно менять свои названия. Репрессии 1936–1938 гг. в отношении советских элит выявили, что за предыдущие годы именами новоявленных «врагов народа» оказались названы тысячи улиц, фабрик, заводов, колхозов, совхозов и населенных пунктов. В результате каждое переименование превращалось для коллективов трудящихся и служащих в важную политическую акцию, служило школой лояльности в отношении сталинского режима.

Переименования являлись чутким барометром, который конечно же не предreshал, но зачастую точно предсказывал грядущие изменения на советском политическом Олимпе. Бухарин еще не был исключен из партии и в его адрес еще не прозвучали обвинения на февральско-мартовском пленуме 1937 г., когда в двадцатых числах января 1937 г. общие собрания всех цехов стекольного завода сортовой посуды НКЛП в г. Гусь-Хрустальный и общезаводская рабочая конференция — всего около трех тысяч

¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 29. Д. 71. Л. 12–13. При этом председатель Совнаркома СССР В.М. Молотов отнюдь не лидировал по количеству переименований. Так, в честь К.Е. Ворошилова к этому времени было переименовано четыре города, причем Луганск, Ставрополь и Уссурийск были переименованы в течение одного 1935 г. К их числу мог бы добавиться Могилев — о его переименовании в Ворошиловск ходатайствовал 2 февраля 1938 г. и. о. первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии А.А. Волков. (См.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 65. Л. 110).

человек — выдвинули требование «о немедленном снятии с нашего завода звания им. Бухарина». Соответствующая телеграмма была отправлена во ВЦИК руководством завода 24 января 1937 г. и уже 7 февраля 1937 г. последовало соответствующее постановление Президиума ЦИК СССР¹. При этом надо отметить, что постановления ЦИК о присвоении в свое время заводу имени Бухарина в архивах обнаружено не было, и в данном случае было бы достаточно решения наркомата легкой промышленности, в ведении которого находился стекольный завод, но секретариат ЦИК предпочел перестраховаться. Параллельно с переименованием стекольной фабрики в Гусь-Хрустальном была проведена кампания по снятию имени Бухарина с Московской бердо-ремизной фабрики и улицы, на которой она располагалась. Показательно, что коллектив фабрики просил 26 января 1937 г. дать улице название «Кировская», а фабрику впредь именовать просто «Бердо-ремизная»². Эта просьба отражала целое явление: по мере того, как Большой террор набирал обороты, все более распространенной становилась практика, когда в качестве новых названий предлагались либо имена покойных советских вождей — Кирова, Куйбышева и т.п. — которые по определению были вне подозрений, либо нейтральные «советские» наименования.

То, что ходатайства обоих заводов поступили практически одновременно, наводит на мысль о хорошо режиссированной акции и отражает озабоченность И.Е. Любимова, народного комиссара легкой промышленности и бывшего соратника М.Ф. Фрунзе, стремившегося обезопасить себя от критики хотя бы с этой стороны. Очевидно, Любимов чувствовал, что допустил халатность и не доглядел за своим «хозяйством». Например, еще одно из предприятий НКЛП — Всесоюзная Автономная тонкосуконная фабрика в пос. Старая Купавна Московской области — вплоть до 1937 г. продолжала носить имя Эфраима Склянского, заместителя Троцкого на посту председателя РВС РСФСР. Лишь 7 декабря 1936 г. двухтысячный коллектив фабрики выступил с ходатайством о ее переименовании³. Интересна мотивация, приведенная в постановлении общего собрания: «В связи с тем, что Купавинская суконная фабри-

¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 4. Л. 1–4, 8–9.

² Там же. Л. 5–7.

³ Впрочем, с августа 1925 г. по январь 1938 г. имя Склянского также продолжало носить Ленинградское пехотное краснознаменное училище.

ка вырабатывает в абсолютном большинстве суконные ткани для нашей славной рабоче-крестьянской Красной Армии — возбудить ходатайство перед правительством СССР [...] о присвоении имени первого маршала Советского Союза наркома обороны СССР Климентия Ефремовича Ворошилова»¹. Таким образом, славное имя «первого маршала» должно было смыть позорное пятно как с самой фабрики, так и с ее «особой» продукции.

Ходатайство Бердоремизной фабрики о возвращении ей старого названия было удовлетворено постановлением Президиума ЦИК СССР от 7 марта 1937 г. Этим же самым постановлением в ответ на «ходатайство рабочих и общественных организаций предприятий и учреждений г. Москвы» Туберкулезный институт им. Рыкова был переименован в Городской туберкулезный институт, Трамвайный парк им. Бухарина — в Трамвайный парк им. Кирова, Клуб трамвайщиков им. Бухарина — в клуб трамвайщиков им. Кирова, Бухаринская улица — в Волочаевскую улицу, Обозостроительный завод им. Рыкова — в Обозостроительный завод № 2 и рабфак им. Рыкова — в рабфак им. Кирова². В свою очередь нарком пищевой промышленности СССР А.И. Микоян обратился 13 марта 1937 г. в ЦИК СССР с просьбой поддержать ходатайство общего собрания рабочих, ИТР и служащих Бухаринского свеклосовхоза Курской области о снятии им. Бухарина и присвоении имени «тов. Дзержинского». У Микояна были резоны поторопить ЦИК, поскольку решение о переименовании было вынесено общим собранием рабочих и служащих совхоза 8 октября 1936 г. Бухарин еще назван в нем «товарищем»: «ввиду того, что тов. Бухарин политически был соучастником троцкистско-зиновьевского центра»³. А вот рабочие Кондровских бумажных фабрик, ходатайствовавшие о переименовании Бухаринского района Западной области в Дзержинский, уже пользовались другой лексикой, демонстрируя умение «говорить по-большевистски». В заметке, опубликованной в номере газеты «Лесная промышленность» от 31 января 1937 г., речь шла «о снятии с района позорного имени Бухарина» и присвоении имени «великого русского поэта А.С. Пушкина»⁴.

¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 6. Л. 1.

² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 12. Л. 1–2.

³ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 13. Л. 8.

⁴ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 14. Л. 1–3.

Зачистка топографического ландшафта СССР от имен представителей всевозможных партийных оппозиций и уклонов продолжалась весь 1937 г. Иногда, как в случае с Городищенским сахарным заводом (Киевская область), один и тот же объект мог неоднократно переименовываться в течение непродолжительного времени. Так, постановление Президиума ЦИК СССР за подписями Калинина и Акулова «о снятии с сахзавода имени Пятакова и о присвоении заводу им Якира И.Э.» было принято 15 марта 1937 г., а уже 29 июля 1937 г. секретарь ЦИК СССР А.Ф. Горкин завизировал решение «о снятии имени Якира с Городищенского завода»¹.

В сентябре 1937 г. свои тылы «подчистил» НКПС СССР, причем выбрав в качестве новых названий совершенно аполитичные имена: станция Хатаевича железной дороги им. Куйбышева была переименована в станцию Пронино, станция Сапроново Московско-Донбасской ж.д. — в станцию Цементная, станция Шляпниково Южно-Уральской ж.д. — в ст. Каргапольская и станция Уханово дороги им. Дзержинского — в станцию «пост 4 километр»².

По мере того, как резкие перемены на самом вершине советской политической пирамиды становились рутинной, бюрократическая машина переименований работала все быстрее. Например, первый секретарь Дальневосточного крайкома ВКП(б) И.М. Варейкис был снят со своей должности 3 октября 1937 г. и спустя неделю арестован. А уже 22 ноября 1937 г. было принято Постановление Президиума ЦИК СССР, в соответствии с которым Варейкисовский район Рязанской области переименовывался в Первомайский³.

Документы свидетельствуют, что в увлекательную «игру переименований» в годы Большого террора вольно или невольно были вовлечены практически все представители высшего эшелона советских элит. На первом плане их активность обуславливалась стремлением соответствовать духу времени, благоприятной возможностью обратить на себя внимание Сталина, сработав в опережающем рвении «навстречу вождю», но также и боязнь самим стать объектом обвинений, по меньшей мере в халатности. При этом Большой террор диктовал жесткие правила этой игры — никто не

¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 15 Л. 1–2. Сегодня — ОАО «Городище-Пустоваровский завод» Володарского района Киевской области.

² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 31. Л. 4.

³ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 54. Л. 4.

был застрахован от проигрыша и в один момент мог разделить судьбу париев. Так, 20 ноября 1937 г. с просьбой как можно скорее решить проблему с именами «врагов народа» в Президиум ЦИК СССР обратился народный комиссар юстиции Н.В. Крыленко. Основанием для его письма послужили материалы Бюро учета лиц, лишенных избирательных прав по суду при НКЮ СССР, которые представляли собой полученные с мест списки «лишенцев» из числа осужденных. В этих списках в качестве места постоянного жительства заключенных и их работы до ареста зачастую указывались «местности, предприятия и советские учреждения, носившие имена Рыкова и Бухарина»: ул. Рыкова в Севастополе, Бухаринский район Западной области, с. Рыково Рязанского района Московской области, Бухаринский сельсовет Ярославской области; дер. Рыково Нефедовского сельсовета Любимского района Ярославской области и т.п.¹ Но уже три месяца спустя, 22 февраля 1938 г. шахта имени Крыленко Шахтинского района «в ответ на ходатайства рабочих» была переименована в шахту «20 лет Красной Армии»². Кроме того, 16 апреля 1938 г. Президиум ВЦИК принял решение «снять имя Крыленко Н.В. с дачного поселка Солнечногорского района Московской области и присвоить ему новое наименование „Октябрьский“»³.

Еще одним активным участником «игры переименований» стал Н.И. Ежов. Он лично и весьма оперативно позаботился о том, чтобы были переименованы все объекты, носившие имя его опального предшественника на посту народного комиссара внутренних дел СССР — Г.Г. Ягоды. Постановление Президиума ЦИК СССР «Об отрешении от должности народного комиссара связи СССР Г.Г. Ягода» было принято 3 апреля 1937 г., а уже 16 апреля Ежов отправил в ЦИК следующее ходатайство: «В связи с постановлением Президиума ЦИК СССР от 3 апреля 1937 г. об отрешении от должности наркома связи Г.Г. Ягода ввиду обнаруженных должностных преступлений уголовного характера и в соответствии с решением общего собрания актива Болшевской трудовой

¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 54. Л. 3.

² ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 19. Д. 78. Л. 62.

³ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 54. Л. 30–31. Президиум Верховного Совета СССР утвердил это решение 3 июля 1938 г. Имя Н.В. Крыленко было присвоено поселку при станции Подрезково Московско-Курской ж.д. постановлением ВЦИК от 1 сентября 1935 г., утверждено Президиумом ЦИК СССР 7 сентября 1935 г.

коммуны, НКВД просит ЦИК СССР о снятии имени Г.Г. Ягода¹. Такое внимание Ежова к коммуне НКВД, занимавшейся «перековкой» малолетних преступников и беспризорников, было неслучайным. Коммуна получила общесоюзную известность благодаря первому советскому звуковому художественному фильму «Путевка в жизнь», вышедшему на советские экраны в 1931 г., а также публикации в 1936 г. книги «Болшевцы. Очерки по истории Болшевской имени Г.Г. Ягода трудкоммунны НКВД» под редакцией М.А. Горького, К.Я. Горбунова и М.В. Лузгина. Соответствующее решение ЦИК СССР о переименовании было принято 17 мая 1937 г. Представляется достаточно проблематичным установить, какой объем постановлений ВЦИК и ЦИК СССР о переименованиях предварительно санкционировался постановлением Политбюро ЦК ВКП(б). Но в случае с переименованием Болшевской трудовой коммуны такое решение Политбюро имело место, при этом наряду с коммуной Политбюро постановило также снять имя Ягоды с Тунгусского моста железной дороги Волочаевка-Комсомольск².

Имя самого «железного наркома» Н.И. Ежова было ненадолго присвоено нескольким объектам, носившим ранее имена «врагов народа». В конце апреля 1938 г. ЦИК УССР переименовал станцию Постышево Смелянского района Киевской области в станцию им. Ежова³. 29 июня 1938 г. Президиум ЦИК Казахской ССР удовлетворил ходатайство коллектива овцесовхоза № 500 Каменского района Западно-Казахстанской области о переименовании совхоза им. Исаева в овцесовхоз им. Ежова. К моменту принятия этого решения бывший председатель Совнаркома Казахской ССР Ураз Исаев находился под арестом меньше месяца, а к 19 сентября 1938 г., когда было вынесено соответствующее постановление Президиума Верховного Совета СССР, Исаева уже расстреляли⁴. 13 августа 1937 г. состоялось одно из наиболее громких переиме-

¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 19. Л. 1–2. Имя Г.Г. Ягоды было присвоено Болшевской трудкоммуне постановлением Президиума ЦИК СССР 17 мая 1935 г.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 987. Л. 33. Протокол заседания Политбюро № 49 от 15 июня 1937 г. Кроме того, был переименован Рыбинский завод полиграфических машин имени Ягоды, бывший «Металлист» (носил имя Ягоды с декабря 1930 г.)

³ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 19. Д. 78. Л. 79. Утверждено указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1938 г.

⁴ Там же. Л. 102.

нований в честь Ежова: в ответ на «просьбу украинских республиканских организаций» его имя было присвоено стадиону «Динамо» в Киеве¹.

Важной составной частью кампании переименований в период Большого террора стало выявление населенных пунктов и учреждений, названных именами вождей «второго эшелона» — представителей краевых и областных элит, оказавшихся в печально известных «сталинских списках». Насколько масштабными могли быть переименования такого рода, показывает кампания по вычистке имени первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) И.Д. Кабакова. В Свердловске и области не было недостатка в учреждениях и населенных пунктах, названным в его честь: постановлением Президиума ЦИК СССР от 13 июня 1932 г. имя Кабакова было присвоено Уральскому металлургическому институту, от 8 августа 1932 г. — Верх-Исетскому металлургическому заводу, от 13 августа 1933 г. — Синарскому трубному заводу, от 9 марта 1934 г. — г. Надеждинску, от 17 марта 1934 г. — Надеждинскому заводу и от 1 сентября 1936 г. — Свердловскому государственному педагогическому институту².

Кампания переименований началась сразу же после исключения Кабакова из партии и ареста. 26 мая 1937 г. решение о снятии «имени Кабакова, разоблаченного как врага народа», приняло общеинститутское собрание Свердловского педагогического института. Вслед за этим последовали решения общих собраний коллективов Свердловского строительного техникума ж.д. им Кагановича и Синарского труболитейного завода (взамен рабочие просили «присвоить имя любимого наркома Серго Орджоникидзе»). 27 мая 1937 г. Президиум Свердловского областного исполнительного комитета принял постановление «О переименовании учреждений и организаций в городе Свердловске и в присоединенной к нему сельской местности». Помимо упомянутых выше Верх-Исетского

¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 27. Л. 1. Имя Ежова было присвоено в 1937–1939 гг. целому ряду объектов, в том числе г. Сулимову (Черкесску), который именовался Ежово-Черкеском вплоть до ареста Ежова. В Сибири в честь Ежова было названо с. Евгашино – районный центр Тарского округа Омской области.

² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 20. Л. 12. Переименование г. Надеждинска в Кабаковск и присвоение Надеждинскому заводу им. И.Д. Кабакова было санкционировано постановлением Политбюро от 5 марта 1934 г. (См.: РГАСПИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 940. Л. 10).

завода и педагогического института, облисполком также принял решение о переименовании Свердловской авиашколы пилотов, двух колхозов, детского сада и школы. Постановление Президиума ВЦИК о снятии им. Кабакова с гор. Надеждинска и с Надеждинского завода Свердловской области и оставлении «за этим городом и заводом прежнего названия» последовало 21 июня 1937 г. и было утверждено ЦИК СССР 22 июля 1937 года¹.

По мере развития Большого террора на картах появлялись все новые «криминальные» имена. Сибирь здесь не стала исключением. Согласно данным отделения Главного Управления Государственной Съёмки и Картографии (ГУГСК) НКВД СССР по Новосибирской области, «среди наименований населенных пунктов, совхозов, колхозов и др. наименований» встречались «объекты, названные именами врагов народа, например, им. Грядинского, Тухачевского и др.». По состоянию на 17 ноября 1937 г. по 65 районам Новосибирской области и 66 районам Алтайского края были выявлены 11 населенных пунктов и учреждений, названных «враждебными» именами, причем 10 объектов носили имя председателя Западно-Сибирского крайисполкома Ф.П. Грядинского, арестованного 10 августа 1937 г. и лишь один — маршала М.Н. Тухачевского². Обеспокоенность местных картографов объяснялась тем, что картфабрика № 5 ГУГСК НКВД СССР была обязана издать в 1938 г. ряд карт Новосибирской области, Алтайского края, Омской области и Красноярского края, в связи с чем они просили Административную комиссию ВЦИК «срочно сообщить, какие наименования населенных пунктов, совхозов и др. к настоящему времени переименованы, дабы предупредить засорение именами врагов народа издаваемые в 1938 г. учебные, экономические, административные и другие карты»³.

Размах переименований в автономных и союзных республиках свидетельствует о том, что в 1930-е годы в тени сталинского культа пышным цветом также расцвели культы «национальных» вождей. М.П. Шрейдер, единственный из высокопоставленных чекистов оставивший мемуары, вспоминал, как в Алма-Ате в 1938 г. прохо-

¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 20. Л. 4–12.

² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 54. Л. 6.

³ Там же. Л. 7. Зав. секретариатом Председателя ЦИК СССР И.И. Бабинцев проинформировал 10 декабря 1937 г. Административную комиссию ВЦИК о том, что «указанные населенные пункты могут быть переименованы Вами самостоятельно». См.: Там же. Л. 11.

дила первомайская демонстрация. Ему бросилось в глаза, что демонстранты несли огромные портреты первого секретаря ЦК ВКП(б) Казахстана Л.И. Мирзояна, по размеру превосходившие портреты Сталина. Шрейдер рассказывали, что Мирзоян как-то сказал альпинистам, покорившим одну из самых высоких горных вершин и предложившим назвать эту вершину пиком Сталина, что «следующий покоренный пик будет имени Мирзояна»¹.

В соседнем Узбекистане по числу переименований в честь «местных работников» несомненно лидировал председатель СНК Узбекской ССР Ф.Г. Ходжаев. Согласно протоколу заседания Президиума ЦИК Узбекской ССР от 29 сентября 1937 г., переименованию подлежало 20 колхозов и два сельских совета, носивших имя Ходжаева². Кроме того, в честь Ходжаева был назван Чирчикский рисосовхоз. 31 июля 1937 г. нарком земледелия СССР М.А. Чернов³ ходатайствовал перед Президиумом ЦИК СССР о снятии имени Файзуллы Ходжаева с Чирчикского рисосовхоза и имени Д.П. Жлобы — с Красноармейского рисосовхоза Азово-Черноморского края⁴. На этом фоне переименования в честь первого секретаря ЦК КП(б) Узбекистана А.И. Икрамова выглядят скромно — имя Икрамова было снято только с совхоза «Нишам» и канала «Савай». В случае с бывшим председателем ЦИК Башкирской АССР А.М. Тагировым, репрессированным летом 1937 г., всем районным исполнительным комитетам и городским советам во исполнение постановления бюро Башкирского областного комитета ВКП(б) было дано директивное указание «о снятии имени Тагирова со всех предприятий, учреждений и организаций, коим оно было присвоено»⁵.

¹ Шрейдер М.П. НКВД изнутри. Записи чекиста. М., 1995. С. 109. В 1936–1938 гг. именем Мирзояна назывался г. Аулие-Ата (будущий Джамбул) и Аулие-Атинский район. Что касается «пика Сталина», то это имя в 1932 г. было присвоено высочайшей вершине СССР (с 1962 г. — пик Коммунизма).

² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 46. Л. 1–2.

³ После осуждения М.А. Чернова в составе обвиняемых Третьего Московского процесса его имя было снято с Московского института инженеров водного хозяйства и опытного завода института, Байрам-Алийского хлопкосовхоза Туркменской ССР, Узунской МТС Джиликульского района Таджикской ССР, Новочеркасского гидромелиоративного института, Ставропольской биофабрики и мелькомбината при станции Иннокентьевская. См. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 19. Д. 78. Л. 73–75.

⁴ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 24. Л. 1.

⁵ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 26. Л. 1.

По мере того, как репрессии в отношении партийно-советских элит набирали обороты, пропорционально увеличивалось количество объектов, настоятельно нуждавшихся в новых именах, особенно колхозов и совхозов. Все республиканские и союзные органы государственного управления оказались буквально завалены лавиной ходатайств местных органов власти, организаций и учреждений, ходатайствовавших санкционировать все новые и новые переименования. Сложившуюся ситуацию адекватно иллюстрирует письмо, направленное 9 июня 1938 г. руководством ЦИК УССР в Президиум Верховного Совета СССР. В частности в письме сообщалось о том, что «за последнее время областные исполнительные комитеты и облоргкомитеты УССР присылают огромное количество своих постановлений о переименовании колхозов, не только носящих название врагов народа, но и много таких, которые не актуальны, устарели, аполитичны, возникли случайно. До сих пор была такая практика, что все эти постановления утверждались Президиумом ЦИК УССР». Такой порядок, по мнению украинских властей, «чрезмерно загромождает» работу Президиума ЦИК УССР, а также затягивал сроки переименований колхозов. «Украинцы» просили считать соответствующие решения облисполкомов и областных оргкомитетов окончательными. Однако ответ секретаря Президиума Верховного Совета СССР А.Ф. Горкина явно не обрадовал украинские власти — все наименования и переименования колхозов, связанные «с именами отдельных работников», требовали обязательного утверждения Президиумом ЦИК союзных республик¹. Если же речь шла о присвоении предприятиям и организациям, не говоря уже о населенном пункте, имени одного из членов Политбюро ЦК ВКП(б), в том числе И.В. Сталина, то здесь в любом случае требовалась санкция ЦИК СССР. Большой террор расставил всё на свои места не только в иерархии советских вождей, но и задал жесткие правила символической репрезентации их культов.

Лавина переименований советских топонимов практически не оставила в годы Большого террора места для ревизии «старорежимных» названий, хотя на этом поприще было сделано еще далеко не все, если судить по письмам населения «во власть»². Одной из немногих инициатив такого рода стало переименование станицы

¹ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 19. Д. 78. Л. 77.

² См. ниже.

Слепцовской, районного центра Сунженского района Чечено-Ингушской АССР. С просьбой оказать содействие в переименовании станицы к заведующему сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б) Я.А. Яковлеву 7 сентября 1937 г. обратился председатель Сунженского райисполкома Сальников: «Сунженские казаки-колхозники, когда я выезжал в Москву по Вашему вызову, просили Вас войти в ходатайство правительства и лично к любимому вождю тов. Сталину о переименовании станицы Слепцовской [...]. Так как эта станица при наличии прекрасных цветущих колхозов с благоустроенным культурным центром (имеет вид города) до сих пор носит позорное имя бывшего колонизатора — палача чечено-ингушского народа, царского сатрапа генерал-майора Слепцова, просим переименовать ее в город Сунжа или в станицу Сунжа по названию нашего района. Мы будем крепко благодарны». На письме сохранилась резолюция Яковлева — «Т. Горкин. Это следует сделать»¹, однако вряд ли заступничество Яковлева, арестованного 12 октября 1937 г., помогло в продвижении ходатайства. Как бы то ни было, станица Слепцовская была переименована в 1939 г. в Орджоникидзевскую.

Волна широкомасштабных переименований, порожденная Большим террором, пережила сам террор. Массовые операции НКВД были прекращены постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г., в то время как переименования продолжались по меньшей мере весь 1939 г. Так, 3 января 1939 г. постановлением секретариат Президиума Верховного Совета СССР Блюхеровский район Еврейской АО был переименован в Ленинский район. 26 февраля 1939 г. народный комиссар путей сообщения СССР Л.М. Каганович ходатайствовал перед Президиумом Верховного Совета СССР о переименовании станции Косиор Московско-Киевской ж.д. в станцию «Путейская»; станции «Чубарь» Сталинской ж.д. — в Пологи², станции «Косиоровская» (бывшая «Пузыри») Одесской ж.д. — в Котлярово³. 13 мая 1939 г. нарком пищевой промышленности СССР В.П. Зотов просил Президиум Верховного Совета СССР присвоить имя В.В. Куйбышева Херсонскому совхозу № 2 Украинского консервного треста, который до этого носил имя

¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 32. Л. 1.

² Т. е. станции предлагалось вернуть ее прежнее название.

³ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 10. Д. 181. Л. 47. Соответствующий Указ Президиума ВС СССР последовал 27 апреля 1939 г.

С.В. Косиора. К ходатайству прилагалось письмо директора совхоза, объяснявшее, почему рабочие якобы были резко против безликого «номерного» имени совхоза: «Работники нашего совхоза честно выполняют свой долг перед родиной, которой отдал тов. Куйбышев всю свою жизнь. Обезличенное наименование нашего совхоза, подведение его под обыкновенный номер, не может не вызвать известную долю незаслуженной обиды [у] работников совхоза. Коллектив нашего совхоза хотел бы работать на предприятии, носящем имя незапятнанного большевика, прообраз которого воодушевлял бы их в каждодневной работе»¹. Ходатайствуя о присвоении имени покойного Куйбышева, руководство комиссариата могло быть уверено в полной политической благонадежности нового имени, как и руководство НКПС СССР, просившее 8 декабря 1939 г. снять со станции, депо, завода и отделения Одесской ж.д. имя Н.И. Ежова и присвоить имя Тараса Шевченко².

Неясным остается вопрос о попытках приостановить или даже прекратить переименования в 1937–1938 гг. В отрицательных ответах ЦИК СССР на ходатайства с мест несколько раз встречается ссылка на решение, которое накладывало вето на переименования. Так, в уже упоминавшемся выше деле о переименовании фабрики им. Склянского секретарь ЦИК СССР И.А. Акулов сообщал 21 марта 1937 г. И.Е. Любимову: «Вопрос о присвоении указанной фабрике им. тов. Ворошилова, в связи с прекращением переименований [...] на разрешение Президиума ЦИК СССР поставлен не будет»³. Точно таким же образом в январе 1938 г. ЦИК СССР мотивировал свои отказы на просьбу о присвоении имени Сталина новому Дворцу Культуры в Рыбинске, имени Микояна — Ереванскому ТЮЗу и имени Ежова — заводу № 114 в г. Копейск Челябинской области: «производство переименований и присвоение имен учреждениям, предприятиям, организациям согласно решения Президиума ЦИК — прекращены». При этом зачастую делалась ссылка на некое постановления ЦИК СССР от 27 мая 1936 г. и «дальнейшие указания». Однако, несмотря на эти прецеденты, вся практика переименований свидетельствует об обратном. Возникает ощущение, что переименования либо замо-

¹ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 19. Д. 78. Л. 16.

² Там же. Л. 87. Переименование утверждено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1940 г.

³ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 6. Л. 5.

раживались на короткое время (например, на январь 1938 г.), после чего процесс запускался вновь, либо запрет применялся выборочно. Так, 16 февраля 1938 г. имя Н.И. Ежова было присвоено школе усовершенствования командного состава пограничных и внутренних войск НКВД СССР, а имя А.И. Микояна 22 февраля 1938 г. в ответ на ходатайство помощника начальника пограничных и внутренних войск НКВД комбрига Г.Г. Соколова получил 40-й Ереванский пограничный отряд войск НКВД¹.

В заключение необходимо отметить, что переименованием населенных пунктов, улиц, учреждений, предприятий, колхозов, воинских частей и т.п. проблема вычищения имен «врагов народа» из публичного визуального социокультурного пространства советского общества не ограничивалась. В марте 1938 г. колхозники Ново-Торжского района Калининской области отправили письмо в Президиум Верховного Совета СССР, в котором требовали уничтожить денежные купюры с подписью бывшего народного комиссара финансов Г.Ф. Гринько: «Просим вас это сделать, чтобы наши глаза не видели подпись на наших деньгах, на деньгах рабочих и крестьян, гада, шпиона, изменщика нашей родной коммунистической партии»². Сталинская власть прекрасно была осведомлена о деньгах с подписями «врагов народа», но не могла оперативно решить эту проблему. Еще в августе 1937 г. член комиссии партийного контроля Сахарова докладывала В.М. Молотову о том, что Госзнак ежедневно продолжает печатать денежные знаки, на которых приводилось факсимиле подписей «врагов народа Аркуса, Марьясина, Калмановича»³. Несмотря на «сигналы снизу», невозможно было разом изъять из обращения многомиллионные массы денег. В апреле 1939 г. председатель Госбанка Н.А. Булганин и наркомфин СССР А.Г. Зверев сообщали Молотову о том, что сумма денежных знаков с подписями «врагов народа» составляла 16.100 млн рублей, из них 10.600 млн рублей продолжало находиться в обращении. Чтобы решить эту проблему,

¹ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 19. Д. 78. Л. 1–9.

² ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 9. Д. 395. Л. 67.

³ *Соколов А.С.* Советский червонец в 1930-е годы и после // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 9. С. 144. Г.М. Аркус был до 1936 г. заместителем председателя правления Госбанка СССР, М.И. Калманович и Л.Е. Марьясин — председателями правления Госбанка соответственно в 1930–1934 и 1934–1937 гг.

Булганин и Зверев предлагали свой план изъятия «запятнанных» банкнот из обращения¹.

*Инициативы населения в «письмах во власть»
в годы Большого террора*

По мере генезиса сталинизма имена и изображения становились настоящими пароями, отношение к которым определяло как духовность индивидуума, так и сторону, которую он занимал в великом противостоянии труда и капитала, революции и реакции. Инициативы населения по переименованию образца 1937–1938 гг. во многом объясняются сакрализацией имен и революционных терминов, а также колоссальным вниманием к различного рода знакам, символам и к символическому поведению в целом, свойственному Большому террору. В этом отношении показательным является письмо жителя г. Боровичи Ленинградской области И.М. Брюшкина, адресованное 20 февраля 1938 г. в ЦИК СССР. Автора письма волновало, что на новых денежных купюрах достоинством в 10, 20, 30 и 50 рублей, выпущенных Госбанком к 20-летию Октября, было помещено изображение Ленина, которое в результате подвергалось осквернению². «Деньги с портретом нашего великого вождя всячески комкаются, подчас рвутся, оброняются и теряются [...], а также находятся в пьяных помещениях, как то буфетах, пивных, где опьяненные люди всячески ругаются, выражаются», то же самое кошунство происходило с марками с изображением Ленина, Дзержинского и Пушкина, «по ним шлепают, то есть накладывают железный почтовый штампель», — писал Брюшкин³.

Такого рода «символическое» мышление и сакральное отношение к названиям, судя по письмам «во власть», стало к концу 1930-х годов распространенным явлением среди советских граждан. В результате значительная масса населения советской страны поддерживала и даже активно участвовала в процессе переименований, нередко выступая с собственными инициативами. В годы массовых репрессий особенно «не повезло» г. Томск и предприятиям, в названии которых фигурировал «Томск». Пылавшие пра-

¹ Соколов А.С. Советский червонец в 1930-е годы и после // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 9. С. 144.

² ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 9. Д. 395. Л. 25.

³ Там же.

ведным гневом, но малообразованные граждане полагали, что город назван в честь бывшего лидера советских профсоюзов М.П. Томского. Так, семья Ольшиных из Харькова в своем письме в ЦИК СССР потребовала в начале февраля 1937 г. переименовать Томскую ж. д., которая «до сих пор именуется [...] именем врага трудового народа», в дорогу им. VIII Чрезвычайного съезда Советов¹. Анонимный автор еще одного письма в «Правду», «комсомолец завода Народного комиссариата оборонной промышленности», писал 22 декабря 1938 г. следующее: «Товарищи редакторская коллегия! Читая «Правду» за 22.12.38 г. в статье Вашего корреспондента по Ново-Сибирской области «До конца разоблачить клеветников» упоминается о Томском горкоме. Фамилия известного оппозиционера Томского, врага советского народа, еще живет в нашей стране. Как ни печально, но факт. Не пора ли поставить вопрос перед соответствующим органом нашего правительства о том, чтобы переименовать город Томск в город с другим названием. Очень странно, почему до сих пор сохранилось наименование, город Томск? Может быть, это так и должно быть? В этом я очень сомневаюсь»². Несмотря на всю абсурдность письма, член редколлегии «Правды» А.М. Давидюк переслал его в Президиум Верховного Совета СССР.

В другом случае бдительного курсанта Пермской авиационной военной школы им. Молотова М. Шонина ввело в обман совпадение имени оппозиционера и «правоверного» советского деятеля. В своем письме в ЦИК СССР Шонин писал в октябре 1937 г.: «Я считаю необходимым все улицы, именуемые фамилиями врагов народа Каменевым и Зиновьевым, переименовать, все колхозы и т. д. Причем имеется остров на севере, именуемый врагом народа Каменевым. Рекомендую переименовать на имя героя Сов. Союза тов. Шмидта»³. Секретариат Президиума ЦИК был вынужден просветить курсанта, что «острова находящиеся на севере, носят

¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 8. Л. 1.

² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 54. Л. 32.

³ Такая рекомендация была вполне закономерной, учитывая настоящий культ героев-полярников и летчиков. Политбюро ЦК ВКП(б) 26 июня 1934 г. приняло решение о переименовании мыса Северный в мыс Отто Шмидта, 1 сентября 1936 г. — о переименовании острова Удд в остров Чкалов, острова Лангр в остров Байдуков, острова Кевос в остров Беляков. (См.: РГАСПИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 947. Л. 13; д. 980. Л. 36).

имя Сергея Сергеевича Каменева, который был членом правительственной комиссии по спасению челюскинцев»¹.

Зато автор еще одного письма, преподаватель географии одной из средних школ Челябинской области П.И. Леметти, уже ничего не напутал. В августе 1938 г. он сообщил газете «За коммунистическое просвещение» об открытии, сделанном им при изучении новой административной карты СССР, изданной 2-й картографической фабрикой ГУТСК НКВД СССР в 1936 г.: «на юго-западной части острова Октябрьской революции на 95 градусе в.д. есть мыс Гамарника. Предлагаю переименовать мыс врага народа именем героя Советского Союза тов. М.М. Громова»². Письмо Леметти было переслано в Президиум Верховного Совета СССР, в результате мыс Гамарника был переименован в мыс Медный³.

В годы Большого террора в сознании населения также актуализировалась проблема изжития «старорежимных» названий, символов «проклятого прошлого», что подтверждает ряд писем советских граждан. Житель г. Харьков А.А. Шелашников в конце декабря 1937 г. обращал внимание редакции «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» на халатность, проявленную НКПС. Если в городах совершенно невозможно найти проспекты и улицы имени Деникина или Врангеля, поскольку «многим городам уже давно не хватает улиц и площадей для переименования, за это время все бывшее переименовано и даже по несколько раз», писал он, то совершенно иная ситуация сложилась в епархии железной дороги, в ведомстве которой находился заповедник «призраков из об-

¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 54. Л. 1–2. В честь С.С. Каменева после его смерти была переименована одна улиц города Киева, его имя также было присвоено 21 стрелковой Пермской Краснознаменной дивизии, 111 истребительной авиабригаде и 14 мехбригаде 5 мехкорпуса. (См.: Протокол Политбюро № 42 от 1 сентября 1936 г. п. 361 «Об увековечивании памяти С.С. Каменева» в РГАСПИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 980. Л. 70).

² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 30. Л. 2.

³ В ходе архивных штудий удалось найти еще только лишь одно свидетельство о переименовании географического объекта, названного именем «врага народа»: указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 сентября 1938 г. горный пик высотой 5,3 км., «носивший название врага народа Великанова», был переименован в пик «Красный разведчик». Инициаторами переименования выступали Президиум Верховного Совета Узбекской ССР и штаб Среднеазиатского военного округа. Диввоенврач, проф., д.м.н. И.М. Великанов был военным ученым-бактериологом, основателем и первым начальником Биотехнического института РККА. Репрессирован по делу М.Н. Тухачевского в 1938 г. (См.: ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 19. Д. 78. Л. 65).

ласти преданий». Далее в письме приводился целый перечень станций, носивший имена «князя, графа, царского министра»¹. На Юго-Западной ж.д. это были станция Друцкая, Бобринская, Немешаево², на Юго-Восточной ж.д. — Бибиково, Долгоруково, Графская; на Западной ж.д. — Голицино, Дашковка, Мещерская, Уваровка, на Ташкентской ж.д. — Куропаткино, Скобелево, Хилково³, на Рязанской ж.д. — Римско-Корсаковская, Татищево, Салтыковка, Нессельроде; на Дзержинской ж.д. — Царицыно, на Донецкой ж.д. — Баронская, Закомельская, Софьино-Бродская⁴, на Октябрьской ж.д. — Тизенгаузен, Строганово. Особенно автора письма возмущало соседство на Уссурийской ж.д. станций Лазо и Бочкарево, поскольку последняя якобы носила имя офицера В.И. Бочкарева, обвинявшегося в казни С.Г. Лазо. Автор другого письма, рабочий Куйбышевской железной дороги А.А. Михайлов, возмущался тем, что одна из станций носила имя генерала А.И. Глуховского, участника Туркестанских походов. «Мне как рабочему очень обидно и больно, что [на] 21 год[у] [советской власти] имеют[ся] старые названия» — писал Михайлов⁵. Оба письма в начале января 1938 г. были переправлены «на заключение» наркому путей сообщения СССР А.В. Бакулину⁶.

Еще один перечень «религиозных» и «старорежимных» имен городов составил в августе 1938 г. житель Одесской области Обертайло. Он же предложил новые названия, которые, по его мнению, следовало им незамедлительно присвоить — Архан-

¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 54. Л. 12–17.

² Немешаев *Клавдий Семенович* — министр путей сообщения в кабинете графа Витте (1905–1906 гг.). После этого управлял Юго-Западной ж.д. В его честь были названы две станции — Немешаево и Клавдиево.

³ *Князь Хилков Михаил Иванович* — министр путей сообщения Российской империи в 1895–1905 гг.

⁴ Автор письма считал, что станция носила имя знаменитого мецената, сахарозаводчика Л.И. Бродского.

⁵ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 54. Л. 18. В июне 1934 г. аналогичное письмо поступило в газету «Правда» от некоего В. Цоглина. Автор письма обрушился с пространной критикой на НКПС СССР, который по его мнению совершенно игнорировал тот факт, что многочисленные железнодорожные станции по-прежнему носили «старорежимные» названия. (См.: Письма во власть. 1928–1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. / Сост. Лившин А., Орлов И., Хлевнюк О. М., 2002. С. 243–244).

⁶ Бакулин вряд ли успел отреагировать на эти письма, так как 5 апреля 1938 г. был снят с должности, арестован и расстрелян.

гельск предлагалось переименовать в Ломоносов, Николаев — в Сергоукраинск, Петропавловск — в Ежовград, Троицк — в Чапаев, Благовещенск — в Добровещенск, Николаевск на Амуре — в Блюхеровосток, Вознесенск Одесской области — во Фрунзево¹.

Однако имело место и оборотная сторона медали — негативная, критическая реакция на массовые переименования. Судить о ее масштабах трудно, поскольку в архивах очень редко встречаются сведения такого специфического рода. Тем не менее, даже отдельные документы могут быть источником ценной информации. Так, в январе 1937 г. заместитель начальника Енисейского РО НКВД Коротков информировал партийно-советское руководство района о том, что в ряде колхозов и хозяйственных организаций в качестве кличек для животных используются «общераспространенные советские слова и даже фамилии вождей»: лошади носили клички «Ворошилов», «Киров», «Косиор», «Куйбышев», «Сталин», «Батрак», «Пионерка», «Ударница», «Повстанец», «Комсомолка», «Комсомолец», «Красноярец», «Партизан». Но главный криминал заключался в свинье по кличке «Крупская». Если при этом учесть, что имена пролетарских вождей зачастую давали меринам («мерин „Ворошилов“»), а колхозники наверняка использовали при обращении к рабочей скотине ругательства², то становится понятной озабоченность чекиста, требовавшего принять срочные меры «к замене данных кличек»³.

Заключение

Главной чертой советской государственной политики в области переименований административно-территориальных единиц являлся дуализм. Большевистское руководство постоянно балансировало между стремлением ограничить и минимизировать переименования и желанием обновить, перекодировать топонимический ландшафт. Если первый подход диктовался рациональными

¹ ГА РФ. Ф. 7723. Оп. 9. Д. 395. Л. 151.

² В записных книжках Федора Абрамова за 23 сентября 1975 г. упоминается случай, когда крестьянина репрессировали за то, что назвал колхозную корову б..... (См.: *Абрамов Ф. Были-небыли // Родина*, 1989. № 1. С. 90). В романе «Прокляты и убиты» В.П. Астафьева, еще одного знатока советской деревни, один из солдат переиначивает в скабрзной манере наименование своего колхоза им. Клары Цеткин.

³ Эл. ресурс: <http://memorial.krsk.ru/DOKUMENT/KK/370125.htm>, опубликовано факсимиле документа со ссылкой на: КЦХИДНИ. Ф. 55. Оп. 5. Д. 27. Л. 2.

соображениями экономического и управленческого свойства, то второй задавался как интересами самой власти и партийно-советских элит, так и настроениями населения. В первые годы советской власти, вплоть до начала 1930-х годов, в тяжелых условиях гражданской войны и восстановления народного хозяйства, доминировал первый подход. Его наиболее полным выражением стала ограниченность кампании переименований 1924 г. в честь В.И. Ленина. Второй поход стал определяющим в 1930-е годы, годы сталинской революции сверху, «развернутого наступления социализма по всему фронту» и Большого террора, когда экономические мотивы и элементарные соображения организационного свойства оказались отодвинуты на задний план. Все меньше отклика в это время находили аргументы железнодорожного и почтового ведомств, традиционно заинтересованных в минимизации переименований.

По мере формирования и укрепления сталинского режима претерпевала существенные изменения и логика переименований. Если 1920 – начало 1930-х годов вошли в историю советских переименований преимущественно как время изживания «старорежимных» и «религиозных» названий, то качественное содержание процесса в 1930-е годы главным образом определяли переименования в честь большевистских вождей во главе со Сталиным. Эта практика, начатая в 1920-е годы как стремление увековечить память погибших или умерших «товарищей», постепенно превратилась в инструмент формирования культов больших и малых вождей. Существенные коррективы в политику переименований внес Большой террор. Советская топонимика превратилась в это время в зеркало огромного пасьянса советских элит, который тасовал и раскладывал Сталин. В определенной мере Большой террор можно рассматривать как прививку, сделанную политике советских переименований: он задал четкую иерархию переименований и ограничил выбор присваиваемых названий каноническим набором имен «правовверных» вождей или обезличенных «советских» терминов. Переименования Большого террора также выявили ограниченность и шаблонность советского политического лексикона.

Советские переименования стали важным инструментом ко-адаптации власти и общества. Здесь несомненно выделяются два периода активности населения, его готовности действовать в унисон с властью: начало 1920-х годов, особенно кампания «ленинских» переименований, а также конец 1930-х годов — время Большого террора. В это время советские граждане неоднократно вы-

ступали, нередко по собственной инициативе, инициаторами переименований самого разного рода. Однако говоря о «добровольности», не стоит недооценивать господствующий революционный дискурс и стремление населения говорить с властью на одном языке, «по-большевистски». Особый интерес с точки зрения политической адаптации народа к власти представляет ревизия советской топонимики, осуществленная в 1937–1938 гг., когда в ходе неоднократных переименований власть каждый раз требовала от населения поддержки и одобрения, и каждый раз получала требуемое. В результате переименования стали также инструментом выработки у общества пресловутого «двоемыслия», лояльности, непоколебимой веры в Сталина и партию, а также готовность поверить любой версии истории, которая предлагалась властью.